

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ОХОТНЫЙ РЯД

Владислав Выставной

Кремль 2222

Владислав Выставной
Кремль 2222. Охотный ряд

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Выставной В. В.

Кремль 2222. Охотный ряд / В. В. Выставной — «АСТ»,
2017 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-983023-8

Враг приходит, когда не ждешь. Откуда не ждешь. И помощи ждать неоткуда. Никто не знал, что у самых стен Кремля притаилась угроза, ждавшая своего часа две сотни лет. Эхо Последней Войны грозит обернуться падением древней крепости. Единственный предвестник грядущей катастрофы – кремлевский семинарист Книжник. Он пытается донести свои опасения до власть имущих. Но ему не верят. Более того – он сам под подозрением. Книжник бежит. И волей случая оказывается в самом сердце силы, собирающейся стереть с карты его родной дом – Кремль. Что может слабый человек против нечеловеческой мощи? Придет ли на помощь единственный друг – Зигфрид? Что делать, когда ты – чужой среди чужих?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-983023-8

© Выставной В. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Выставной

Кремль 2222. Охотный ряд

© М. Д. Хорсун, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

Пролог

Рядом оглушительно гроыхнуло, мигнул свет, ребристые металлические стены гулко завибрировали. Полторы тысячи бойцов, плотно набившиеся в брюхо огромного транспортного биоробота класса «титан», не издали ни звука. Кто-то лязгнул зубами, кто-то с кем-то переглянулся, кто-то просто не обратил внимания на удар, продолжая наносить на лицо маскировочную краску. Смысла в такой маскировке немного – скорей уже дань армейской традиции. Что-то вроде боевой раскраски «ночных бабочек», только с куда меньшим профитом.

Металлическая палуба под ногами продолжала вздрагивать, сообщая о продвижении транспорта все дальше и дальше в глубь территории противника. Технология «стелс-2» позволяла оставаться незамеченным громадной махине величиной с пятиэтажный дом. Силовые поля «титана» давали возможность какое-то время выдерживать прямые попадания снарядов, выгадывая время на эвакуацию десанта. Но такое развитие событий было бы равносильно провалу операции. А потому ударные биороботы по флангам, перейдя в атаку, отвлекали врага, оттягивая на себя значительные силы оборонявшихся.

Но никто здесь не испытывал иллюзий: шансы на успех ничтожны.

Бойцы сидели плотными рядами в несколько уровней, отделенных друг от друга легкими решетчатыми палубами. Нижнюю палубу занимали контейнеры с боеприпасами, боевые машины и роботы поддержки. Все это ждало своего часа, чтобы по команде вывалиться из «титана», как набор игрушечных солдатиков под ноги гигантского злого ребенка.

Новый взрыв прогремел еще ближе. Железную громаду ощутимо качнуло.

– Мне кажется, или нас заметили? – с напускным равнодушием поинтересовался Роджер, здоровенный накачанный стероидами афроамериканец, отвечавший за переносную противотанковую ракетную установку типа «Тоу».

– Если бы заметили, ты бы не задавал дурацких вопросов, – холодно сказал Берти. – У русских есть чем набить этот тухлявый контейнер.

– Это точно. Все мы тут смертники, – грызя замусоленную спичку, заметил Николас.

У него на коленях была модернизированная штурмовая винтовка М-4 с подствольным гранатометом, и Роджер смотрел с завистью на такой ничтожный груз. Как всегда, самую тяжелую работу командование повесило на черномазого.

– Не каркай, – лениво отозвалась Эми. – А на твоём месте, Роджер, я бы не беспокоилась – твоя черная рожа прекрасно сливается с местностью.

Губастенькая, смуглая, коротко стриженная, своим миловидным личиком она могла кого угодно ввести в заблуждение насчет своей способности постоять за себя. Ошибка могла стоить обидчику сломанной руки или свернутой шеи. И тем не менее с нее не сводил глаз молоденький, тощий и бледный как смерть Хорхе, сидевший напротив нее и нервно покусывавший тонкие губы.

– Чего тарачишься? – с угрозой поинтересовалась у него Эми. – Хочешь, чтобы тебя комиссовали по ранению? Да только разбитые моей ногой яйца – не повод, чтобы не идти в атаку!

Морпехи по соседству заржали. Хорхе лишь криво улыбнулся, но не отвел взгляда.

– А ну, тихо! – мрачно прошипел сержант Гомес. – Враг сканирует пространство! Соблюдаем режим тишины!

В наступившей тишине хохмач Вуди с задумчивым видом оглушительно и протяжно выпустил газы. Морпехи молча сложились от беззвучного смеха. Это больше походило на истерику: смешного в их миссии было мало.

Смех оборвался, когда в пространство между рядами вышел собственной персоной полковник Сеймур. Необычным было не то, что миссией в принципе командовал офицер

более высокого ранга, чем полагалось по штату, и даже не то, что полковник легкомысленно насвистывал, нарушая режим тишины. Всех поразило то, что Сеймур был облачен в парадную форму – грудь, плотно усеянная наградами планками, при белом ремне и белой же фуражке.

Эми впилась взглядом в белоснежные перчатки полковника. Отчего-то больше всего ее поразили именно эти перчатки. Наверное, на фоне всего дерьма, что творилось сейчас вокруг.

Обычно тяжеловесный, уверенный в себе полковник выглядел непривычно. Двигался он как-то неровно, взгляд его блуждал. Остановившись спиной к Эми, он как будто собрался и заговорил, глядя поверх касок – отрывисто и четко, став прежним полковником Сеймуром, командующим специальной секретной миссией:

– Бойцы! Я только что получил сообщение непосредственно из Комитета Начальников Штабов. Час назад русские применили по нашему континенту систему «Статус-6». Ядерный заряд повышенной мощности был взорван у восточного побережья, что вызвало цунами и многочисленные разрушения. Потеряна связь с Нью-Йорком, Филадельфией, Вашингтоном. Есть основания считать, что эти города уничтожены...

Он замолчал, чтобы облизать пересохшие губы. Реакция слушателей его не интересовала. А это было гробовое молчание.

– Это только часть новостей. Наша система противоракетной обороны не справилась, – полковник криво улыбнулся. В глазах появились неприятные огоньки. – Ядерные удары нанесены по всем промышленным и военным центрам. Господа, Соединенные Штаты Америки прекратили свое существование.

Кто-то тихо и тонко завыл. Но в его сторону даже не посмотрели.

– Лично мне здесь больше делать нечего, – сказал Сеймур, расстегивая кобуру. – Это была большая честь служить вместе с вами!

С этими словами полковник выдернул из кобуры пистолет, резко передернул затвор и сунул ствол себе в рот. Гулко грохнуло. В лицо Эми брызнуло кровавыми, вперемешку с мозгами и обломками черепных костей, каплями.

Тело полковника во всем своем парадном блеске бревном грохнулось на решетчатую палубу. Кровь сквозь решетку струей хлынула на головы морпехов, расположившихся ниже.

– Вот же срань господня... – выдохнул Роджер. – Это, мать вашу, хреновая примета. Не к добру увидеть такое перед миссией!

– Ты слышал, что он сказал? – стирая кровь с лица, отозвалась Эми. – Нашей стране – крышка.

– Да нет, – неуверенно пробормотал Хорхе. – Это он чего-то напутал. Нам же говорили: система ПРО совершенно непробиваема.

Коренастый Джорж вдруг резко подскочил со своего места, подхватил баул со снаряжением, штурмовую винтовку и заявил, глядя на тело:

– Валить отсюда надо! Кто со мной?

– Ты чего, Джорж? – неодобрительно прогудел Роджер. – Это же дезертирство! Знаешь, что за это бывает?

– Да плевать я хотел! – зло выкрикнул Джорж. – Если полковник прав – то все уже не имеет смысла! За что воевать, если вокруг – один радиоактивный пепел?!

– Рядовой, ни с места! – рявкнул низкий и жесткий голос. – Брось винтовку и подыми руки!

К труп полковника подошла высокая плотная женщина в форме корпуса морской пехоты, но с ярко-оранжевой повязкой на левом рукаве. Это была заместитель командира «по боевому духу» – капитан Коллинз. Должность ввели всего неделю назад, когда наступление

на Москву стало вязнуть в позициях упорно оборонявшихся русских. И сразу же назначенные на нее обрели крайне неприятную славу.

– А пошла ты знаешь куда, шлюха? – оскалился Джорж. – Я вообще...

Договорить он не успел. Капитанша подняла руку, в которой оказался далеко не женского формата пистолет. Не утруждая себя дальнейшими разговорами, Коллинз спустила курок. Всплеснув руками, Джорж повалился лицом вперед напрямик на труп полковника.

– За дезертирство, подстрекательство и смуту – расстрел на месте, – опустив оружие, холодно сказала «зам по духу». – Есть здесь еще желающие пообсуждать приказы командования?

Желающих не нашлось.

– Хорошо, – пряча пистолет в кобуру, сказала Коллинз. Повысила голос, чтобы ее слышали все. – Значит, так. Ввиду смерти старшего по званию командование миссией я принимаю на себя. – Что бы ни произошло у нас в тылу или на нашем континенте – приказа никто не отменял. И наша миссия будет выполнена. Если кому-то станет от этого легче – можете считать нашу миссию мезью.

Коснувшись кнопки устройства шифрованной связи на запястье, капитан Коллинз коротко бросила в тонкую веточку микрофона у щеки:

– Внимание всем, говорит Крыса. Ротных командиров жду в штабном модуле через три минуты.

Тощий бродячий пес, вжавшись в руины, беспокойно таранился в небо. Казалось, он видит что-то там, в серой, затянутой дымом мгле. Пес дрожал от холода и страха – все вокруг пугало его, перестав быть привычной средой, в которой он жил свой не долгий век. Он не был голоден, нет – вокруг было полно свежего мяса. Не было смысла жаловаться на собачью жизнь. Конечно, если тебе нравится сырая человечина.

Человечины было много.

Пугало другое – эти странные железные существа, что пришли ниоткуда и принялись вдруг истреблять все живое. Неизвестные вещества, излучения, пронизавшие воздух, пугали и сводили зверя с ума.

А сейчас еще это – невидимое, но существующее. То, что прикинулось небом. Пса не пугали взрывы и автоматные очереди со всех сторон. Его пугало это фальшивое небо.

С низким лязгом в небе открылась мрачная прямоугольная дыра. Пес тоскливо завыл. И тут же запнулся, получив в голову пулю снайпера. А из этой разверзнувшейся в небесах пробоины тихо, но обильно посыпались вооруженные морпехи.

Транспортный биоробот «титан», скрытый от посторонних взглядов технологиями невидимости, разрождался десантом.

Батальон четко, как на учениях, рассыпался на роты. Это был хитрый и сложный план. Каждая из десяти рот получила индивидуальный секретный приказ, выполняя задание, известное лишь одному ротному командиру. Причем каждый из ротных был уверен, что выполняет основное задание, а прочие – всего лишь статисты, привлеченные в качестве «ложных целей» для противника. Командиры были недалеко от истины – если не считать, что рота, которой поручено основное задание, была всего одна.

Это были самые подготовленные, специально отобранные бойцы. В отличие от простых морпехов, они не были предназначены для использования в качестве «пушечного мяса» в общевойсковом бою.

Это была элитная часть, лишь замаскированная под роту морпехов, тщательно упрянтая в структуру батальона корпуса морской пехоты. Самые отъявленные головорезы, генетически приспособленные для решения задач, непосильных большинству простых

смертных. Суперспецназ, козырная карта, припасенная в рукаве командования. И если его бросали сейчас в бой, на то были более чем веские причины.

Внешне никто из них не выделялся из рядов остальных морпехов. Разве что командир подразделения – капитан Коллинз, по прозвищу Стальная Крыса, не могла не приковать к себе внимая своими повадками и беспрецедентной жестокостью. Впрочем, не ее вина была в том, что пришлось несколько раскрыться. Сначала брожения в личном составе, затем самоубийство полковника Сеймура – все это грозило миссии провалом. И этой железной бабе пришлось все взять в свои руки.

Сейчас, взяв направление на цель, бойцы наконец могли перестать строить из себя рядовых служаков. Но никому и в голову не приходило расслабиться. Они были профессионалами и понимали цену своей миссии.

Обычная форма морпехов теперь была дополнена стеллс-плащами, группу накрывало защитное поле электронного противодействия.

Они не существовали для вражеских глаз и приборов, спутники и беспилотники были против них слепы. И все это – ради главной миссии.

По периметру вокруг них нарастали звуки сражения. Там принимали на себя бой отвлекающие силы.

Под прикрытием стен уцелевшего здания словно из ниоткуда на фоне руин проявились силуэты нескольких бойцов авангарда.

– Впереди идут третья и шестая рота, – докладывал командиру начальник разведки. – Через десять минут в обороне противника образуется брешь. У нас будет около пяти минут, чтобы просочиться. Затем сектор накроет удар тяжелых огнеметов врага. Они их называют «Солнцек».

– Наши об этом знают? – спросила Эми. Она выполняла функции полевого медика, а по совместительству – химическую и болевую поддержку при форсированных допросах пленных.

– Нет, конечно, – спокойно отозвалась Коллинз. – Считай, они принесены в жертву победе.

Двигавшийся вслед за Эми Хорхе пронзительно поглядел на командиршу, с трудом подавив в себе желание спросить: верит ли она в победу после сегодняшней речи полковника? Но ничего не сказал – слишком ярким был образ застреленного ею Джоржа.

За спиной с ракетной установкой пыхтел Роджер. Но главная сила подразделения была не в противотанковом оружии. В хвосте колонны тихо шуршали транспортные роботы, груженные производственными модулями.

Все необходимое для выполнения миссии эти штуковины произведут на месте. Прошли времена, когда 3-D принтеры считались экзотикой. Давно уже на вооружении армии появились такие вот «карманные заводы», способные производить все из ничего. Главное – доставить их на место, запустить – и наблюдать, как копят силы и возможности твоего небольшого, на первый взгляд, подразделения.

Главное – добраться живыми. Мало того – нельзя выдать своего присутствия, иначе насмарку титанические усилия, вложенные в этот последний удар. Удар, что закончит войну и принесет победу.

В небе что-то оглушительно лопнуло. Сверкнули гигантские синеватые кривые – это проявившиеся защитные поля наступающих биороботов. С ревом пронесли над головой истребители – остатки вражеских военно-космических сил. На поверхности невидимой сферы принялись лопаться и расползаться грязно-оранжевые кляксы взрывов.

Все шло по плану: противник отвлекался и тратил свои силы в том направлении, в каком нужно компактному отряду, направленному, чтобы уколоть гиганта крохотной отравленной иглой – но в самое сердце.

Тускло загорелся экран боевого планшета в руках командира Коллинз. Под пальцами в темных перчатках замелькали карты и схемы.

– Здесь вход в метро, – начальник разведки ткнул пальцем в электронную схему. – Но туда нам путь закрыт: метро хорошо контролируется противником. А вот это – подземные переходы. Они соединяются с метро, но сейчас должны пустовать, так как накануне были точно обстреляны с беспилотников – ракетами с химическими реагентами. Так что, кто бы ни пытался занять там оборону – уже мертвы.

– Не надо мне рассказывать то, что мне и без того известно, – отрезала Коллинз. – Покажите лучше, где входы.

– Здесь и здесь. Вот ближайший...

– Значит, идем в обход. Нельзя соваться в ближайшую дырку только потому, что она кажется доступной.

За спиной Коллинз глухо усмехнулся Николас. Командирша резко обернулась. Николас с тем же невозмутимым видом продолжал мусолить зубами спичку.

– Заразу подхватить не боитесь, рядовой? – хмуро поинтересовалась Коллинз. – В моем подразделении больных не держат. Понимаете, о чем я?

Не меняясь в лице, Николас выплюнул спичку. Шутить с этой стервой – себе дороже.

– Внимание всем – и передать по цепочке! – Коллинз поправила на голове каску. – Поставить радиостанции на прием и соблюдать полное радиомолчание. Никаких выходов в эфир – только личный доклад. Всем активировать стелс-плащи и двигаться по спецмаячкам за командирами. Выполнять!

Те из бойцов, что все еще оставались видны, растворились на фоне мрачного городского пейзажа. Через несколько секунд по этой же улице промчалась на вырубку соседнему подразделению колонна потрепанных боями танков Т-14: «арматы» шли на вырубку соседям, которых прессовали боевые роботы. Замаскированный спецназ имел все шансы нанести безнаказанный удар из противотанковых ракетных установок или применить иные средства противодействия.

Но танкам дали пройти. У спецназа была другая задача. Выдавать себя, пусть даже ради уничтожения ценной вражеской техники, было нельзя. На кону была не тактическая и даже не стратегическая задача.

На кону была победа в войне.

Спецподразделение продолжило свой тихий путь. Никто не видел, как полторы сотни бойцов и роботизированная спецтехника стали бесшумно спускаться в подземелья переходов. Еще немного времени – и силы спецназначения заняли оборону на ярусах подземного торгового центра. Впрочем, обороняться было не от кого: они оказались в глубоком тылу противника.

Первая фаза операции прошла успешно. Капитан Коллинз отдала приказ незанятым в карауле отдохнуть перед следующим этапом миссии. Бойцы мрачно озирались в подземелье, подсвеченном тактическими фонарями и точечными источниками света. Они шли в бой на злобных варваров и не ожидали встретить под землей такой вызывающей роскоши. Часть витрин торгового центра была разбита, магазины частично разграблены. Но осталось величественное оформление, которое не уничтожили бои, шедшие где-то на поверхности.

Николаса, Хорхе и Эми не интересовала красота здешних подземелий. Они обступили командира, меряя ее напряженными взглядами. Командирша нахмурилась:

– Слушаю вас, бойцы.

– Капитан Коллинз, – с нажимом заговорил Хорхе. – Чего мы ждем? Почему не действуем, пока враг дает нам такую возможность?

– Мы ждем приказа, – отрезала Коллинз. – Если начать действовать раньше – мы ударим по врагу растопыренными пальцами, вместо того, чтобы ударить его кулаком! Чего вам еще не понятно?

– Значит, мы ждем приказа? – процедил Николас.

– К чему вы клоните, рядовой?

Рука Коллинз сама собой потянулась к кобуре, и она силой заставила себя отвести ладонь в сторону. Вперед вышла Эми. И заговорила размеренно, стараясь предупредить вспышку начальственного гнева:

– Мы ни к чему не клоним, мэ. Мы просто хотели понять, – Эми сделала паузу. – А что, если приказ не будет отдан?

– Что вы имеете в виду? – Коллинз нервно моргнула. – Как это – не будет отдан?

– Я имею в виду – приказа может не быть. Вообще.

Эми чуть помедлила, прежде чем сказать то, что говорить было страшно. Но заставила себя произнести сильно и четко:

– Что, если отдать приказ уже некому?

Глава 1

Дежа вю

– Ну, хорошо, скажи мне тогда, мой юный друг, столицей чего был в свое время Кремль?

Книжник с удовольствием разглядывал ученика, конопатого мальчишку лет двенадцати, который немного обалдел от такого вопроса. Это даже для настоящего семинариста вопрос с подвохом, а для сынишки простолюдина с подземной плантации – так вообще загадка.

– Я не знаю... – пробормотал ученик. – Ну, Кремль – он столица... Красной площади?

Остальные дружно рассмеялись. Это не означало, что они знали ответ – просто уж больно смешной был этот худенький веснушчатый мальчонка. Они тоже были такими же простыми ребятами – из тех, кому не по происхождению учиться в Семинарии.

Отчего-то Книжник решил, что должен найти талантливых мальчишек, которым просто не повезло, как ему. А он... Он даст им шанс.

Сейчас они сидели на травке, на тесном пустыре у кремлевской стены. Не так-то просто найти тихое место в тесном пространстве Кремля, где все используется по максимуму, где почти не осталось ни одного неиспользуемого клочка земли.

– Кто еще хочет предположить? – с улыбкой поинтересовался Книжник.

– Столица Центрального округа?

– Столица Москвы?

– Ну уж, скажешь тоже – целой Москвы! Разве что территории внутри Садового Кольца. Да и то не факт...

Оглядев группку ребят, жадно ждущих его слов, Книжник покачал головой. Невежество среди кремлевских было страшное. Вот как с таким населением поднимешь с колен цивилизацию? Одни семинаристы, Наставники да Хранители, некоторые бояре из начитанных да служители Церкви – вот он, узкий круг имевших представление об окружающем мире за кремлевской стеной, об истории и науках, хотя бы в общих чертах.

Тяжелую он взвалил на себя ношу, неподъемную.

– Нет, друзья. Кремль не столица Центрального округа, и даже не столица Москвы. Когда-то отсюда управлялось полмира. Но, конечно же, столицей не Кремль был, а сам город – Москва. Это был очень большой город, но кроме него в стране были сотни больших городов. А Кремль – он всего лишь крепость в центре древней столицы.

Конопатый мальчишка в голос расхохотался:

– Сотни городов? Это вы шутите, да? Где взять столько народа, чтобы в них жить?

На него зашикали со всех сторон: мол, Книжник поумнее будет тебя, дурака. Семинарист грустно оглядел мальчишек, кивнул:

– В том-то и дело. Когда-то только в нашей стране жило столько людей, что можно было населить множество таких городов, как Москва. И наша огромная страна называлась Россией. Русью. Кто из вас слышал про нее?

Поднялась всего одна рука. Затем вторая – уже не так уверенно. Впрочем, неудивительно: человек, ни разу в жизни не покидавший пределов Кремля, вряд ли может представить себе невероятную грандиозность окружающего мира. Да и кто из них читал хоть какие-то книги, кроме примитивных учебных пособий?

Книжник закрыл глаза, покачал головой:

– Нам с вами еще столько предстоит узнать! Мы только в самом начале пути. Путь этот труден – гораздо труднее, чем дорога ко МКАД через развалины и ловушки, засады

врагов и логова мутов. Но и добыча на этом пути особенная – та, что дает силу, куда больше, чем крепкие мышцы и оружие. Конечно, если уметь обращаться с этой силой. Имя ей – знания. Когда-то знания практически обо всем на свете были доступны каждому. Сейчас же каждый источник информации – на вес золота. Компьютеров почти не осталось, и электронные хранилища бесценных знаний обратились в ржавую пыль. Остались книги – те, которые не сожгли во времена ядерной зимы, которые не источили черви, не уничтожили фанатики новых религий. Но и книги – не панацея от невежества, ведь мало осталось людей, способных разобраться в написанном. Да и, сказать по правде, кому интересно вытаскивать из невежества таких, как вы?

Книжник невесело усмехнулся, осматривая учеников.

– Учеба в Семинарии длится годами. А кто все это время будет работать на подземных плантациях, в мастерских, кто будет перерабатывать отходы и выгребать за остальными дерьмо? Не говоря уж о том, что темными, безграмотными людьми просто легче управлять...

Семинарист осекся, прикусив губу. Мальчишки смотрели на него с тревогой. Он и сам понял, что начинает нести крамолу. Еще, чего доброго, обвинят в заговоре. Надо бы сгладить углы, чтобы эти ребятишки не вообразили о нем невесть чего.

– Я не о том, что наше общество несправедливо устроено, – мягко сказал он. – Все у нас правильно, по-другому и быть не может. Просто потому, что иначе Кремль бы не выжил. А потому у нас рабочие работают в мастерских, крестьяне – на плантациях, воины воюют, а семинаристы учатся в семинариях. Просто иногда даже у нас забывают, что в центре всего этого – человек. Кремль выживает не ради своих древних стен, а ради тех, кто живет в нем. А человек – это не только рот, в который попадает пища, и задница, производящая удобрения для этой пищи. Человек – прежде всего свободное существо, способное выйти за установленные рамки. Я вот что хочу донести до вас: каждый может стать тем, кем хочет. Надо просто хотеть этого больше жизни. И тогда, будь ты хоть выходец из самого низкого сословия ассенизаторов, никогда не выходивших на поверхность, – ты сможешь открыть для себя весь мир.

Книжник замолчал, перед тем как сказать самое главное, из-за чего и решился держать речь перед этими жадными до нового глазами и ушами. И произнес:

– Посмотрите на меня: я – простой семинарист, вся жизнь которого была расписана на годы вперед, до самой смерти. Это не худшая судьба, о которой многие из вас даже мечтать не могут. Но все дело в том, что я сам желал другого. Я хотел стать ратником.

Среди подростков пробежал тихий ропот. Каждый знает, что сказанное Книжником – полнейшая крамола: никто не может стать ратником без изначально привитого Д-гена. Это невозможно по определению. И даже мечтать об этом – значит, создавать антиобщественную смуту. И как все запретное, эти слова вызвали у молодых самый острый интерес – их глаза аж засверкали от любопытства.

Книжник улыбнулся:

– Конечно, ратником я не стал. У меня ведь нет Д-гена. А вот воином... Пожалуй. Я приблизился к своей мечте – насколько это возможно. И главное – я вырвался за пределы Кремля, что вроде бы не дано выпускнику Семинарии по определению. Но я сделал это. Я путешествовал в чертовски далекие места, делал поразительные открытия. Я дрался насмерть, спасая друзей, и друзья вырывали меня из лап смерти. И знаете что? Я обрел свое счастье. И все только потому, что силой вырвал у судьбы то, что по праву принадлежит мне. Мою свободу. Это и есть то главное, о чем бы я хотел говорить с вами. О свободе, которая не возможна для темного, забитого, ничего не знающего о мире и о себе самом человека. Обретайте знания – обретете свободу.

Книжник замолчал – и вдруг рассмеялся под удивленными взглядами мальчишек: он вдруг подумал, что, наверное, выглядит со стороны старым, умудренным опытом гуру. Это

было странно, и не могло не вызывать иронии над самим собой. Еще недавно ему сказали бы: через год-другой ты станешь Наставником, заведешь учеников – и будешь поучать их с высоты пройденных лет – Книжник бы ни за что не поверил. Наставник в Кремлевской Семинарии – это не работа, не должность. Это что-то сродни духовному сану, получить который можно лишь, заработав огромный опыт и авторитет старших коллег. У него в Семинарии не было Наставников младше сорока лет. А ему, Книжнику, едва исполнилось двадцать.

Но он уже стоит в окружении учеников, которых и сам не намного старше, но которые с жадностью заглядывают ему в рот, как будто каждое сказанное им слово – бесценное сокровище. Книжнику не особо нравилось такое к себе отношение. Сам он считал, что все это – случайная популярность, подаренная ему судьбой, а вовсе не собственные достижения. Ведь прославился он не научными трудами, не служением Семинарии или Церкви, а дальними походами да драками плечом к плечу с Зигфридом, вождем народа вестов. Тогда уж логичнее сделать Наставником этого храброго воина.

Впрочем, Книжник и сам понимал, что немного кривит душой. Ведь и открытый он сделал куда больше некоторых старших, много знаний принес из дальних странствий. Это не считая своего участия в обороне Кремля и спасения целого народа – тех самых вестов. Так что роль Наставника он получил по праву.

Правда, неофициально. Семинария консервативна, и никому не хочется нарушать каноны. И в этом есть важный смысл: Кремль тщательно оберегает свои знания и традиции. Любые новшества грозят уничтожить хорошо проверенное старое. А ведь цель кремлевских не просто выжить, но и передать знания, обычаи потомкам. Тем, кто будет восстанавливать мир, разрушенный двести лет назад, во времена Последней Войны, нужно передать цели, смыслы, обычаи. Язык. Тут, как говорится, не до экспериментов. Впрочем, Книжник не пернапролом против обычаев предков – это могло плохо кончиться. Он заручился самой действенной поддержкой из всех возможных – разрешением князя.

– Ну, хватит на сегодня, друзья, – сказал Книжник, поднимаясь с камня, который использовал в качестве стула. – Завтра соберемся в это же время. Будем наверстывать ваше отставание в географии. А там и историю припомним...

– А покажите, как вы со стилосом обращаетесь! – неожиданно попросил веснушчатый мальчишка.

– Стилосом? Да обыкновенно. – Книжник достал из кармана заостренный металлический стержень – стандартное приспособление любого школяра. – Просто беру вот так – и царапаю на бересте то, что требуется записать...

– Нет! Я про другое! – веснушчатый шмыгнул носом. – Говорят, что стилос для вас – как оружие! А вот они не верят! – паренек указал на товарищей. – Говорят: какое же это оружие? Гвоздь гвоздем – а толку от него в драке против меча?

– Да, правы твои друзья, – усмехнулся семинарист, подбрасывая в ладони увесистый стержень. Гвоздь против меча мало на что годится. А вот такой стилос...

Вместо окончания фразы Книжник коротко замахнулся – и с силой запустил стилос в древний кривой пень, торчавший у стены метрах в десяти. Мальчишки сначала непонимающе похлопали глазами, а затем бросились ко пню, с изумлением разглядывая стилос, почти до половины вошедший в дерево.

– Ух ты! – протянул кто-то. – Так и убить можно?

– Можно, – сухо сказал Книжник. – Особенно, если острие смазано мощным ядом.

Он показал подросткам второй стилос – не повседневный, необычное владение которым продемонстрировал только что, а специально заточенный для боевого применения, с острием, черным от слоя паралитического яда. Таких у него всегда имелась с собой небольшая связка. Что-то вроде мини-дротиков – если уметь пользоваться. Конечно, если б ему, тогда еще юному семинаристу, было дозволено иметь дело с настоящим оружием, он не стал

бы так изощряться. Но так уж заведено, что допуск к оружию есть только у ратников. Вот и пришлось вырабатывать навыки боя с подручными предметами. Как-то довелось прочитать про древних японских воинов – нинзя, которые имели обыкновение использовать в качестве оружия все, что можно взять в руки. В этом смысле тяжелый, хорошо сбалансированный металлический стержень стилоса – неплохой вариант.

Резкий взмах – и второй, ядовитый стилос воткнулся в бревно в паре сантиметров от первого. На этом вопросы закончились. Зато в мальчишеских взглядах уважения стало еще больше. В этот момент они напомнили Книжнику его же самого, мечтавшего вырваться за кремлевские стены, став настоящим воином.

Удивительно и немного даже смешно вспоминать. Конечно же, профессиональным воином он не стал – не судьба стать великаном тому, кто родился карликом. Да, он научился сражаться, но никогда не сравнится в этом качестве с тем же Зигфридом или любым из кремлевских ратников. Да ему и не нужно это – и данный факт он начал понимать лишь позже. Его, Книжника, сила – в знаниях и остроте ума. В сочетании с надежными боевыми друзьями это значит куда больше, чем посредственное владение мечом.

Впрочем, из арбалета он тоже бьет неплохо.

Про старое доброе оружие вспомнилось кстати. Давно было пора показать арбалет мастеру. Ни разу не подводившее в бою смертоносное устройство в мирное время зачехло. То ли истосковалось по вражьей крови, то ли срок пришел, да только электромеханический самовзвод категорически отказывался взводить тетиву. В ручном режиме скорострельность была низкой, да и силенок не хватит на несколько взводов подряд. А ведь хотелось показать оружие ученикам – чтобы убедились: глубокие знания и арбалет гораздо убедительнее для противника, чем просто знания.

Путь лежал в оружейную мастерскую у стен арсенала. Вообще там располагался небольшой рынок, посещаемый в основном ратниками. Оттого и именовался среди своих «военторгом». Торговали здесь различными товарами, что могли пригодиться кремлевскому воину, из того, что не было положено тому по штату. Дополнительная броня в виде плаatin и жилетов, удобные сапоги и боевые перчатки, кольчуги и плотные подкольчужники, ножи, фонари, веревки, всякие «приспособы» непонятного простому смертному назначения – много чего здесь было, кроме настоящего боевого оружия, носить которое имели право лишь ратники, да те, кому это было позволено особым распоряжением князя. Как Книжнику, например – в виду особых заслуг в обороне Кремля.

Вот и сейчас он прошел по узким рядам, под навесами, почти смыкающимися над головой, слушая назойливые предложения торговцев:

– Парнишка, шлем нужен? Смотри – как раз на тебя!

– Какой он тебе парнишка, дурень? Он княжий советник! Советник, не желаете ли нож приобрести? Достойное лезвие – смотрите, какое воронение, какой узор!

– А книги не интересуют? Вы же известный знаток книжного дела! Имеются каталоги оружия в хорошем состоянии! А вот – учебник по тактике! Редкость!

– По боевым искусствам трактат интересуется?

– Стимуляторы есть, мышечные! Вам, советник, не повредят – экий вы тощий! Берите, не пожалеете! Не Д-ген, конечно, но массу наберете, реакция раза в два увеличится!

– Не слушайте его, советник. Реакция-то от этих стимуляторов увеличивается, но через час – упадок сил, тоска и голод. Опасная штука, если с непривычки!

– А ну, не отговаривай! Советник небось сам разберется!

Книжник с улыбкой прошел мимо, отвечая на эти заманчивые предложения молчаливыми кивками. Остановился перед узкой и низенькой дверью в неказистое сооружение из обломков бетона. Из двери выползал густой пар, над крышей из кривой железной трубы

струился ядовитый дымок. Это и была оружейная мастерская. С опаской заглянув в дымный ад, Книжник позвал:

– Эй, есть кто живой?

– А что, похоже, кто-то может тут выжить? – глухо донеслось изнутри. – А ну, отойди-ка в сторонку!

Сочтя благоразумным послушаться, Книжник торопливо отошел в сторону. Глухо грохнуло, из двери вырвался сноп пламени и следом – густой черный дым.

– Все, заходь! – проворчали внутри.

Пригнувшись, Книжник вошел, огляделся с интересом. К оружейнику направил знакомый ратник Данила, до этого не приходилось бывать в таких местах, оберегаемых кремлевскими дружинниками от постороннего взгляда. Внутри, впрочем, мастерская походила на обычную «гражданскую» кузню, правда, стены ее были плотно увешаны мечами, кольчугами, фузеями и пищалями – это не считая разобранных винтовок, автоматов и пистолетов. Скучное на ресурсы время заставляло вернуться от совершенных «Калашниковых» к примитивным гладкоствольным ружьям и дульнозарядным пушкам – в них можно было использовать столь же простой в изготовлении дымный порох. Ничего не поделаешь – погоду в обороне Кремля не делали немногочисленные восстановленные «калаши» и жалкие горсти патронов к ним. А потому труд оружейных дел мастеров ценился на вес золота. Это была особая каста, не менее уважаемая, чем кремлевская дружина.

Посреди удушливого дымного великолепия, рядом с ослепительно горящим горном стоял бородатый, крепкий, чуть ли не квадратный здоровяк, опирающийся на молот, уткнувшийся в наковальню. Книжника он оглядывал с сомнением.

– Вы – Макар-мастер? – внезапно оробев, спросил Книжник.

– Допустим. А ты кто таков, и чего тебе надобно? – степенно поинтересовался мастер.

– Данила к вам направил. Я княжий советник – Книжник меня звать. Может, слышали?

– Не слыхивал, не видовал. Я, мил человек, в работе весь и мастерскую покидаю редко.

Кто там у князя в советниках, кто в Думе, кто кого возвысил, кто кого подсадил, задушил, отравил – это мне неведомо. Я железо кую – вот это и есть мой интерес, – мастер помолчал, разглядывая гостя. – А вот то, что тебя Данила прислал – это другое дело. Данила – мужчина серьезный, в оружии толк знает, с ним можно иметь дело. Посмотрим, можно ли иметь дело с тобой. Так с чем пожаловал?

– Вот, – Книжник протянул мастеру арбалет.

Тот подошел, взял в руки оружие, оглядел, с интересом поднял взгляд на Книжника:

– Машинка-то не кремлевская. Похоже, вестов работа. Хм... Сделано здорово, у нас так не могут. Просто мы давно на порох перешли, а тут такая механика хитрая...

– Так и есть, весты делали, – кивнул Книжник. – Надежное и точное оружие. Ни разу меня не подвело.

Мастер удивленно вскинул брови:

– Ты хочешь сказать... Хм... Ты не похож на воина.

– Я и не воин, – Книжник смущенно пожал плечами. – Точнее, не совсем воин. Так уж получилось.

Совсем кратко он описал свою историю встречи с Зигфридом, спасение народа вестов и походов с лидером союзного народа. Странно, вообще-то, что приходилось делать это – его, Книжника, в Кремле давно все прекрасно знали.

– Так это был ты? – покачал головой оружейник. – Ну и ну. А я думал, кто-то из бойцов кремлевских чужеземцам помогал. Не удивляйся – нет у меня времени на всякие истории. Вот и сейчас давай не будем зря языками чесать. Что с арбалетом?

Выбравшись из мастерской, Книжник ощутил легкое головокружение от свежего воздуха и света. Неудивительно, что Макар-мастер имел смутное представление о происходя-

щем во внешнем мире – там, в мастерской, легко было одуреть и потерять связь с реальностью, сутки напролет стуча молотом, как какой-нибудь гном в недрах железной горы.

Оставив оружие мастеру, Книжник решил пройтись по торговым рядам. Всякие военные штучки его интересовали мало, но вот книги здесь действительно встречались интересные. Последнее время из-за стены стали доставлять отдельные экземпляры – в основном силами кремлевских разведчиков да редкими заходами маркитантов. Последних обычно держали на расстоянии, но кремлевские правила слабо распространялись на союзников – вестов, чей Форт теперь высился на Красной площади.

Покупателей в «Военторге» было немного. Ратники в гражданском, которых выдавали широченные плечи и руки, больше похожие на клещи. Такие невозможно «накачать» даже самыми усердными тренировками, тут дело в особой генетике, подкорректированной кремлевскими медиками. Даже девки у них особенные – сочные, как яблоки наливные. Вон две стоят, разглядывая прилавок с какими-то полувоенными шмотками. Глядя на ладных, румяных, с толстыми русыми косами девушек, Книжник невольно залюбовался. Девушки заметили внимание и, стреляя в его сторону глазками, перешептывались и хихикали.

Неожиданно в поле зрения семинариста попала еще одна фигура, отчего-то сразу резанувшая глаз. Вроде бы ничего особенного – монах в черной рясе, с накинутым на голову капюшоном. Странно, конечно, что он околачивался в неподобающем монаху месте. Впрочем, это мог быть воин-монах, отчего-то забывший нацепить характерный боевой ремень.

Но внимание Книжника привлекло не это – мало ли зачем монах забрел в эти ряды? Может, задумался и заблудился – с кем не бывает. А вот вел он себя действительно странно. Было заметно: не интересуется монаха товар на прилавках. Он явно осматривался, задерживая взгляд на стенах и зданиях. Поймав взгляд Книжника, он как-то неуютно вжал голову в плечи и засеменял прочь. И что любопытно – Книжник так и не увидел его лица, несмотря на то, что незнакомец явно тарашился на него: низко надвинутый капюшон мешал разглядеть лицо. И еще походка – совершенно не характерная для монаха, легкая, пружинистая. Странно: почудилось в этом монахе «без лица» что-то неуловимо знакомое.

Что-то беспокойно кольнуло в сердце. Ноги сами понесли семинариста вслед за монахом. Стараясь оставаться незамеченным, Книжник шел вслед за незнакомцем, мысленно ругая себя за глупую паранойю: с чего он вообще взял, что за этим парнем надо следить? Мало ли, какие бывают монахи. В братию вообще редко нормальные люди идут.

Рассуждая таким образом, Книжник следовал за неизвестным «на мягких лапах». И чем дальше он двигался таким образом, тем более мрачнел, укрепляясь в своих подозрениях. Монах двигался не хаотично, он не брел в сторону монастыря или к местам службы боевой братии. Он методично обходил внешние стены, чуть задерживаясь у башен, точек ПВО, у зданий, не имевших никакого отношения к монашеским делам, но имевшим явно фортификационный характер. Это можно было бы считать случайностью, если бы монах вдруг не ускорил шаг. Книжнику пришлось тоже прибавить темпу. Когда незнакомец перешел на бег – семинарист бросился следом. Теперь уже не было никаких сомнений: незнакомец пытался скрыться от него. Монах петлял узкими переулками, ведущими в сторону Кремлевской стены, круто заложил за угол.

И исчез. Подбежавший Книжник оказался в тупике, выбраться из которого на первый взгляд не представлялось возможным.

– Что за черт? – недоуменно проговорил Книжник.

Повертелся вокруг себя, пытаясь понять, куда делся незнакомец. Тупик был совершенно глухой – каменные стены со всех сторон, каменная же мостовая под ногами. Мелькнула безумная мысль: может, в этих стенах потайные двери имеются? Бросился к крепостной стене замшелого красного кирпича, принялся ощупывать шершавую поверхность. Даже

полез сдуру по торчащим обломкам кирпича вверх – мало ли, может, странный незнакомец умудрился перемахнуть через стену?!

В этот момент его схватили поперек туловища, повалили наземь, выкручивая руки.

– Стойте, что вы делаете?! Он же...

Он хотел крикнуть, что странный монах – не монах вовсе, что он может быть опасен, что он уйдет – и будет поздно... Но договорить не дали – просто заткнули рот плотной тряпкой, туго связали, набросили на голову плотный мешок и поволокли куда-то. От духоты, веревок и кляпа Книжник едва не потерял сознание, не понимая, кто и куда его тащит.

Его привели в чувство, окатив ледяной водой из ведра. Сняли веревки, выдернули кляп, и семинарист получил, наконец, возможность оглядеться. И он не обманулся в своих самых худших ожиданиях: он был в подземелье Тайного Приказа. Бывать здесь уже доводилось, и воспоминания по этому поводу остались самые мрачные.

Вот, значит, как. Его схватили опричники. Эти ребята давно тянули к нему свои руки, надеясь поквитаться за былые обиды. Главной обидой было, конечно, особое покровительство со стороны князя – иначе он давно уже бы гнил в каменном мешке. И если сейчас опричники наплевали на его охранную грамоту, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее.

Он сидел на дико неудобном стуле напротив тощего и бледного человека, безликого, как и все опричники. За спиной стоял еще один – на случай, если парень решит «наделать глупостей». Книжник не собирался совершать никаких глупостей – их и без того хватило в его недолгой пока жизни.

А потому он заговорил – сразу, быстро и в лоб, как будто боясь, что его оборвут на полуслове:

– Я ничего не понимаю... Зачем вы меня притащили сюда?

– Не понимаешь, – человек напротив кивнул. – Все так говорят.

– Должна же быть какая-то причина!

– Скажи-ка, мил человек: ты с какой целью обходил стратегические объекты? Зачем осматривал все так тщательно?

– Кто? – недоуменно произнес Книжник. – Я? Какие объекты?

Парень осекся, осознав, что опричник-то прав: ведь он, кравшийся по пятам за незнакомцем, вместе с ним обходил важнейшие точки обороны Кремля!

Книжника бросило в жар.

– Вы что же, меня за шпиона принимаете? – возмутился парень. Голос предательски сфальшивил. – Вы с ума сошли! Я княжий советник!

– Знаем, – равнодушно кивнул тот, за столом. – Для нас все равны – что советник, что ратник, что боярин...

– ...что князь? – ядовито предположил Книжник.

И тут же запнулся, получив локтем под ребро. Опричник проигнорировал его выпад. Он медленно разматывал тесемку на берестяной папке. Откинул плотную обложку, склонился над стопкой мятых берестяных же листков. Принялся читать, беззвучно шевеля губами. Улыбнулся – и продолжил вслух:

– Вот... «Считаю своим долгом сообщить, что сей человек, выдающий себя за советника княжеского по прозвищу Книжник – субъект крайне подозрительный и явно требующий внимания со стороны Тайного Приказа... После очередного возвращения из-за стены сам на себя не похож и речи говорит безумные...»

– Это что, донос, что ли? – недоуменно пробормотал Книжник.

Опричник его не слушал, он переложил листок, и продолжил читать уже новый:

– «Еще спешу сообщить, что некий Книжник проводит тайные сборища с юными выходцами из числа черни. Собираются в разных местах, в основном недоступных для посторонних взглядов. Чем они там занимаются, о чем говорят – неизвестно...»

Книжник возмущенно фыркнул, дернул плечом. Получилось не очень убедительно. Опричник же читал уже новый листок:

– «Я попал на его урок совершенно случайно, в чем искренне раскаиваюсь. Думал, он интересные истории рассказывать станет, а Книжник давай крамолу нести и хулить кремлевские порядки. После этого я возмутился и сразу же отписал вам с просьбой простить мою глупость. А еще прошу взять меня к себе на службу...» Ну это уже не важно... – опричник поднял голову, оторвавшись от чтения. – Что скажешь, советник?

– Клевета! – отрезал Книжник.

Сам же торопливо, с досадой пытался сообразить: кто из его новых учеников оказался доносчиком? Вот как, выходит – даже дома нельзя чувствовать себя по-настоящему свободно. Не зря его все время тянет прочь из Кремля, на простор, где друг – это друг, а враг – это враг, где все ясно, где не нужно интриговать, извиваться, лебезить, постоянно доказывая себе и другим очевидные вещи.

– Вот и складывается у нас подозрение, – не слушая его, продолжал опричник, – что ты, мил человек, изменник. А что – все один к одному. Шпионаж, враждебная пропаганда, тайные сборища – уж не заговор ли готовится, а?

– Вранье все это, – сквозь зубы процедил семинарист. – Никакой крамолы я не говорил, в княжеской власти не сомневался. За князя я кровь проливал и не раз, жизнью за Кремль рисковал. Как я могу быть изменником?

– А вот так оно и бывает, – с сочувствием кивнул опричник. – Был парень лихим воином, кровь за Кремль проливал, живота не жалел. А потом то ли обидел его кто, то ли бабу у него увели – да только по пьяной лавочке стал крамольные слова говорить, князя да Думу боярскую хулить, брожение в умах ратников подымать. Вот и что тут прикажешь делать Тайному приказу?

– Что, что, – хмуро сказал Книжник, – разобраться надо, а не с обвинениями бросаться.

– Правильно! – обрадовался опричник. – Именно – разобраться! А потому взяли этого болтливого ратника под белые руки – да к нам, в Приказ, как это ты верно сказал – разбираться. Вот, уже года два и разбираемся.

– А сам ратник где? – обмер парень.

– В темнице, где ж ему быть. Вот и с тобой разбираться будем. Только ты случай поспокойней, так что не факт, что за такой срок управимся.

– Вы что же, без суда и следствия меня упечь собрались?! – Книжник попытался подняться со стула, но был жестко возвращен на место.

– Ты бы помалкивал, щенок! – неожиданно окрысился опричник, даже привстал из-за стола. – Или забыл, какое оскорбление нанес Приказу во время своего побега? Думал, здесь забыли про это?!

Книжник невольно втянул голову в плечи. Он ждал, что ему припомнят прежнее, но почему-то надеялся на лучшее. Но надеяться, видимо, было особо не на что. Нет более злопамятных людей, чем эти серые, бесстрастные на вид чиновники.

– В тот раз князь замаял твое дело. Такова уж княжья воля, а мы все у него в подчинении и, в отличие от тебя, на крамолу не пойдем, приказ княжий всегда исполним.

– Князь не допустит, чтобы я здесь хоть на минуту остался!

– Но ты забыл про другую возможность: князь может просто ничего не узнать, – опричник не смог сдержать самодовольной улыбки. – Пропал советник по прозвищу Книжник? Скажите на милость, какая новость! Он же все время где-то пропадает! Ведь так? Может, опять в какую-то экспедицию отправился – мало ли, что ему снова в голову ударило? Так что приплыл ты, советник. Поздравляю.

– Зачем вам это нужно? – прохрипел Книжник. Только теперь до него стала доходить вся серьезность положения. – Что толку с того, что вы меня схватили? Вы же сами не верите, что я изменник!

– Дело принципа, – ровно сказал опричник. – Так уж устроено наше ведомство: попал к нам – значит, уже виноват. А в чем конкретно – будем разбираться. Ладно, хватит болтать попусту, – опричник перевел взгляд на охранников за спиной побледневшего парня. – Сейчас он даст показания – и в камеру его. В секретную, на нижний уровень.

Перед глазами все плыло, в голове стоял тупой звон. Книжнику казалось, что голос этого серого человека далек, как будто с трудом пробивается сквозь густой туман.

Книжник давно уже не боялся драки и боли, стал выносливым и терпеливым. Долгая дорога, голод и жажда не пугали его. Но перспектива сгинуть в неизвестности в сыром, глухом подземелье, без вины, не имея возможности доказать свою правоту, была невыносима и вызывала inferнальный ужас. Хуже всего то, что вместе с ним сгинут драгоценные знания, что могут еще принести пользу людям. В том числе – то, что он узнал в последние часы, что-то очень важное, тревожное, то, что немедленно следовало доложить тем, кто принимает решения...

– Стойте! – крикнул Книжник. – А как же тот, неизвестный?! Который удрал через дыру в земле?! Может, он и есть настоящий шпион – а вы хотите всех собак на меня повесить?! Почему вы не ищите его? Почему вы тратите драгоценное время на пустые обвинения?! Сообщите князю, ратникам – хоть кому-нибудь, кто отвечает за оборону!

Его не слушали. Опричник за столом с ужасающей неторопливостью скрипел стилем, заполняя протокол допроса, охранники неподвижно стояли за спиной. Где-то мерно капала вода, пахло плесенью и безысходностью.

Это было ужасное дежа вю – как будто он не покидал этих серых стен, грозивших похоронить его заживо. Или просто вернулся в свой самый лютый кошмар, из которого нет спасения. Обхватив руками голову, семинарист обессиленно склонился к коленям и тихо застонал.

В этот момент пол под ногами завибрировал. Из-за толстых стен донесся далекий грохот. Опричник за столом вздрогнул, медленно поднял голову и недоуменно произнес:

– Что такое?..

Секундой позже мощный удар обрушился на низкие своды Тайного приказа. Книжника как будто огромной рукой сорвало со стула для допрашиваемых и швырнуло в сторону стены. Тряхнув головой и немного придя в себя, семинарист увидел сюрреалистическую картину.

Опричника за столом не было – лишь ноги в серых сапогах торчали из груды обломков рухнувшего свода. В черном дыму зияла дыра, в которой виднелось серое небо.

Взрыв? Черт возьми – кто-то взорвал здание Тайного Приказа! Даже вообразить невозможно, кому взбрело в голову такое безумие. Ведь, несмотря на гнусную репутацию опричников, Тайный Приказ – важнейшая силовая структура Кремля!

Мгновениями позже стало ясно, что никакой это не взрыв: что-то огромное, тяжелое копошилось в проломе над головой, то и дело заслоняя небесный свет. Кто-то заорал от страха: в проломе провалилась огромная, метров трех, сочлененная нога – вроде как у насекомого, только имевшая неумовимо механические очертания. Крик перешел в визг: один из опричников, что шатаясь, направлялся к двери, вдруг содрогнулся, окатив Книжника кровавыми брызгами: чудовищная «нога» пробила насквозь его тело и рывком утащила вверх, в зияющую дыру над головой.

Книжник уже попрощался с жизнью, но там, наверху, раздались крики и характерное «харканье» пулемета «Корд». Что бы там ни было наверху – оно издало омерзительный визг и, выдернув оставшуюся внизу лапу, исчезло. Над головой снова образовался просвет.

– Что это за погань такая? – пробормотал Книжник.

Однако, не время гадать. Что бы ни стряслось – это был шанс. И Книжник, наученный горьким опытом общения с Тайным Приказом, не раздумывал ни секунды. Вскочив на ноги, преодолевая слабость и звон в ушах, он бросился к уродливому склону из обломков кирпича и камня и принялся карабкаться по осыпающейся наклонной поверхности.

– Стоять! – слабо крикнули вслед. Там копошился, пытаюсь подняться на ноги, один из охранников. – Арестованный, назад!

– Сам себя арестуй, умник! – огрызнулся Книжник.

– Измена! Все сюда!

За спиной раздалась крики, началась какая-то возня – очевидно, Тайный Приказ приходил в себя после неожиданного удара.

– Тревога! У нас беглец!

– Брать живым! Ноги переломать – разрешаю!

– Ничего, не уйдет.

Эти крики оптимизма не внушали. Выскочив в переулок, Книжник бросился бежать. Он еще успел удивиться: отчего это его не схватила наружная охрана?

Но то, что предстало взгляду, объясняло многое. Похоже, сейчас никому не было дела до какого-то беглеца-одиночки. Ибо во всем Кремле творилось невообразимое. Все вокруг было в дыму и копоти. Сверкали зарницы, грохотали взрывы. Что-то сыпалось на голову, было тяжело дышать. В воздухе носились испуганные женские крики, перекрываемые зычными окриками ратников.

Нападение?! Обстрел?

Очень на то похоже. Видимо, штаб опричников также не избежал одного из ударов со стороны неизвестной пока силы. И нельзя сказать, что семинарист сильно расстроился по этому поводу.

В другое время он немедленно отправился бы в княжьи палаты, чтобы получить распоряжения по действиям в такой ситуации. Но по пятам неслись разъяренные опричники, жаждавшие его крови больше, нежели чем разобраться в происходящем. А потому парень лишь прибавил ходу, с трудом прошмыгивая между ратниками и штатскими, спешащими занять боевые посты согласно расписанию на случай чрезвычайной ситуации.

Метнувшись в боковую улочку, он шарахнулся обратно: там его уже поджидали. Опричники действовали методично и ловко, загоняя его в угол, как дикого зверя. Над головой что-то оглушительно грохнуло, заставив упасть на мостовую. Краем глаза Книжник заметил узкий проход между кривыми стенами домов. Нырнул туда, пробежал несколько шагов – и замер как вкопанный.

Это был тупик. По злой иронии судьбы – тот самый, в котором его совсем недавно схватили служители Тайного Приказа. И тот же, откуда до этого так поразительно и непонятно улизнул неизвестный.

– Куда же ты смылся, черт бы тебя побрал?! – чуть не взмолился Книжник.

Упал на холодные камни, принялся шарить. И вдруг наткнулся на едва ощутимую щель между камнями. Сунул туда руки, дернул – и приподнял нечто, напоминавшее крышку погреба с наклепанными на нее муляжами камней. Под крышкой оказалась темная дыра, ведущая в неизвестность.

«Кроличья нора...» – мелькнул в голове образ из прочитанной в детстве книги. Видать, сюда и сбежал тогда этот странный человек.

Раздумывать было некогда, да и выбор оказался невелик.

Зажмурившись и задержав дыхание, как при нырке в воду, Книжник нырнул головой вперед, ощущая, как скользит куда-то вниз, в неизвестность. Секунда – и все погрузилось в абсолютный мрак.

Крышка захлопнулась.

Глава 2

Недра

Неровный, низкий свод мешал выпрямиться в полный рост. Это и не нужно – когда крадешься во мраке, тело пригибается само собой, и лишь рука чуть выставлена вперед, чтобы не разможжить голову о торчащий сверху сталактит. Другая рука занята – у каждого в ней оружие. Или то, что сойдет за оружие – не так уж много можно раздобыть на этом уровне. В лучшем случае – железный прут или металлическая цепь, или веревка с грузом на конце. У кого-то – просто камень. Самые отчаянные надеются только на собственные руки и навыки рукопашной, отточенные на занятиях по боевой подготовке.

Все средства хороши, когда отстаиваешь свою территорию и исключительное право на применение силы.

Вообще-то, драки запрещены – под страхом голодного карцера. Но все знают: не драться нельзя. Более того – начальство молчаливо поощряет кровавые вылазки, а сержант – он вообще сквозь зубы подначивает мальчишек, выдавая истории из собственной курсантской юности. Без вкуса настоящей крови бойцом стать нельзя. И если драки между курсантами не поощрялись, то устроить густой замес с чумазыми, как говорится, сам бог велел.

Тут главное – не попадаться.

К тому же сегодня – особенная ночь. Считай, боевое крещение перед Присягой. И бойня должна быть на славу – мать-командир на плацу должна видеть сбитые костяшки на кулаках. А хорошая ссадина или шрам на лице – просто шикарная отметина для будущего боевого термита, почище медали!

А потому крадущиеся во мраке парни просто тряслись от нетерпения, распираемые изнутри мощным напором адреналина. Тут уж забудешь и о нестерпимой вони этих грязных рабочих нор, и о вечно голодных курсантских желудках. Кровь – она лучше воды все смывает, очищая тело и душу...

Крэйг вскрикнул и зарычал от боли: все-таки налетел на невидимый в темноте каменный выступ. И тут же получил в бок обрезком ржавой трубы, едва не завыв снова.

– Убью! – прохрипел в ухо Гризли, вожак вольной стаи. – Выдать нас хочешь, гнида?

Крэйг прикусил язык, вжав голову в плечи. На время охоты они становились вне закона, из курсантского сквада превращаясь в хищную стаю. А в дикой стае и законы звериные. Любого, кто не потрафит вожаку, прикончат, чтобы другим неповадно было. И сожрут, чтобы мясо не пропадало. Пусть начальство попробует что-то доказать – все будет шито-крыто. Да и кому нужно что доказывать? Все через это проходят, каждый командир сам был когда-то грязным голодным зверенышем. На этом и строится железная дисциплина и строгая иерархия Ударного Кулака боевых термитов.

Ничего не ответив вожаку, Крэйг тихо скользнул вперед – туда, где уже слабо тлел огонек перекрестка. Они приближались к самой опасной территории – району, контролируемому чумазыми.

Все было обговорено заранее, по всем выкладкам военной науки, как ее представляли себе курсанты первой ступени. Но, как это бывало, тактические планы забывались в тот же миг, как начиналась схватка. Может, от недостатка опыта, а может, от избытка молодой энергии, которую вечно голодные организмы черпали из любого дерьма, выдаваемого за пищу. В любом случае вожак бросает вперед самых слабых и бесполезных – их задача принять на себя первый удар и отвлечь внимание всей этой разъяренной рабочей шобы, чтобы та подставила спины для основного удара. Тут уж врежет сам Гризли со своей свитой.

План не блистал изяществом, но обычно работал. Правда, на этот раз все пошло не по плану.

Их ждали.

В лицо ударил ослепительный свет – и теперь уже от боли взвыли сразу несколько голосов. Крэйг еще больше скрючился, беспомощно выставив перед собой прут и ожидая удара. Но удара не последовало – во всяком случае сразу. Видать, чумазые учли уроки прошлого – пропустили авангард из самых слабых, в числе которых двигался Крэйг, и ударили в самое ядро – с двух сторон. Гризли и его банда не ожидали от чумазных такой изобретательности и на миг замешкались. Это стоило им победы. А кому-то и жизни. Вопли злобы и ярости смешались со звуками борьбы, ударами металла о металл, камень и человеческие тела. Затрещали кости, посыпались зубы.

– Души сучьих крыс! – истошно орал кто-то. – Бей их! Чтоб ни одна падла не ушла!

Инстинкт торопливо подсказал: еще секунда промедления – доберутся и до него, успевшего упасть и отползти, вжавшись в стену. Шустро, пещерной гадюкой, он прополз вперед – прямо к ногам какого-то чумазого, державшего проклятый фонарь. Коренастый, уродливый, с дебильной блуждающей улыбкой на несимметричном лице этот тип не заметил подобравшегося врага – он наблюдал за схваткой в глубине туннеля. А потому, когда перед ним возник, выпрямившись в полный рост, курсант-термит, коренастый аж взвизгнул от ужаса.

Это только исподтишка, да трое на одного – чумазые еще на что-то способны. А один на один технарь-работяга для термита – просто мясо. Вот и сейчас можно было просто проломить этому уроду голову – да и дело с концом. Но Крэйг даже не стал бить в эту дрожащую от ужаса, истекающую слюной морду. Просто молча забрал из онемевших рук врага фонарь – и направил свет в его побледневшее лицо.

Завыв от страха, коренастый попятился, упал – да так, на четвереньках, и побежал прочь, скрывшись за поворотом кривого туннеля. Стоявшие за спиной фонарщика трое чумазных со здоровенными молотами в руках мгновенно потеряли боевой запал – как будто струсивший товарищ заразил страхом и их. Они попятнулись в нерешительности, и Крэйг, чтобы не струсить самому, заорал что есть мочи:

– Что встали, говноеды?! Пшли отсюда!!!

И замахнулся прутом, смотревшимся бледновато на фоне молотов. Впрочем, хватило и этого: все трое бросились наутек, один даже выронил драгоценный молот. Подивившись произведенному эффекту, Крэйг обернулся – и все встало на свои места: за спиной возвышался Гризли в рваных лохмотьях, с лицом, залитым кровью, со свежим рубцом на скуле. Он сжимал в отведенной руке свежий трофей – огромный, черный от краски и густо стекающей крови газовый ключ.

Несколько секунд вожак просто стоял, тяжело дыша и неподвижно глядя в глубину опустевшего туннеля. Наконец перевел взгляд выпученных глаз на Крэйга:

– Это ты молодчага, что свет вырубил. А то нам бы крышка.

Развернулся – и медленно побрел назад. Крэйг поплелся следом. Вылазка закончилась в их пользу, хоть и с потерями: двоих громил из свиты Гризли чумазые забили насмерть. Вон один, со свернутой челюстью и вывалившимся языком. А у этого голова неестественно свернута назад – типичный приемчик чумазных. Силища у некоторых из них неистовая, не дай бог попасть им в лапы. Тут у курсанта преимущество только в ловкости и умении наносить удары.

Однако два трупа – это залет, особенно накануне присяги. Так и под Отбраковку можно попасть вне очереди – говорят, и такое возможно. Нужно избавляться от тел погибших товарищей. Пять дохлых чумазных, брошенных тут же, курсантов не волновали – их бы забрали,

не будь потерь среди своих. Ничего, позже местные здесь приберутся – не пропадать же мясу. Конечно, если раньше не поспеют дикие подземные трупоеды.

– Ну что, братва, зато пожрем от души, – склонившись над телами товарищей, мрачно сказал Гризли.

Впрочем, непохоже было, что он сильно переживал по поводу их гибели. Все-таки он псих, этот Гризли. Лучше бы это его замочили, честное слово.

В тайном закутке, известном лишь ночной крысиной банде, принялись обыденно потрошить приятелей. Тут же развели костер из заранее заготовленных корневищ пещерного древогриба. Мясо должно быть съедено, кости – закопаны. Останки бросят в крысятник неподалеку – пусть жиреют на будущее. Крысятина – деликатес, блюдо не на каждый день. Чего не скажешь о грибах, при виде которых порой начинаются рвотные позывы.

Пока мясо шипело на углях, курсанты молча передавали друг другу флягу с мутной брагой. Пьянящая жидкость быстро приводила в чувство, и сегодняшний неудачный рейд уже не казался столь уж ужасным.

– Это была хорошая охота, – пьяно улыбаясь, сипло сказал Гризли. Отхлебнул браги из фляжки, шумно рыгнул. – Все же наше, курсантское мясо сочнее, а, парни? А то чумазные слишком жилистые и машинным маслом отдают. Может, в следующий раз сразу кого-нибудь из наших завалим, а?

Он заржал в полной тишине.

Крэйг переглянулся со всю дорогу молчавшим Гонзой. Лучший друг, как и остальные курсанты, не оценил шутки. Все-таки свои есть свои, а в рейд не ради жарчки, а ради драки ходят. И раз уж приходится пожирать товарища – это ритуал, а не повод набить брюхо.

Хотя так считали не все. Вон, тощий Таракан чавкает, аж за ушами трещит. Он никогда не бывает сытым. Паразиты у него, что ли? Нельзя сказать, что у Крэйга такая трапеза вызывала особый восторг, все-таки человечина – она на любителя. Крэйг предпочел бы крысятину. Но таков давний обычай, шедший еще со времен Последней Войны: погибший должен продолжать исполнять свой долг и после смерти. В те времена тело просто разбирали на органы; мозг шел на системы управления биороботам, руки-ноги становились обыкновенными запчастями для пехотинцев. Позже, с наступлением ядерной зимы, когда за горло взял лютей голод, в ход пошло и мясо. Мертвые должны служить живым – священное правило термитов. Именно потому в Термитнике не принято умирать своей смертью. Старые и больные добровольно обрывают свои жизни, отдавая все еще годные для переработки тела живым.

Вгрызаясь зубами в горячее сочное мясо, Крэйг мечтал, как погибнет в бою – а он обязательно погибнет, как подобает воину. Главное, чтобы тело не досталось врагу – а все, до последней кровинки, растворилось в боевых друзьях, придав им силы для новых побед. Разве можно мечтать о чем-то большем?

Главное, что для Термитника в целом не существенна потеря нескольких курсантов и чумазных работяг – Инкубатор работает исправно, производя все новых и новых термитов. Говорят, командование нарочно поддерживает внутреннее напряжение и постоянное противостояние между секторами – так происходит естественный отбор наиболее сильных особей. Вкупе с Отбраковкой это делает Термитник лишь сильнее.

– Ладно, – лениво поднимаясь на ноги, сказал, наконец, Гризли. – Пора возвращаться. Пока старик тревогу не поднял. Быстро прибрались и уходим. Да – и сытые морды вытрите как следует, не то сходу спалимся.

Под землей ночь условна. Один поворот большой колбы со струящимся между половинками песком – и семь стандартных часов, отведенных на сон, миновали. Щелчок выключателя – и над головой медленно разгорается большая, пыльная и чуть перекошенная лампа

Эдисона. Такие штуки чумазые вокеры делают на совесть: эта лампа, говорят, светит здесь лет пятьдесят. Впрочем, нет времени наслаждаться мягким оранжевым светом.

Сегодня День Отбраковки.

Соскочив с койки, Крэйг буквально нырнул в форму, отработанными движениями зашнуровал ботинки. Пожалуй, в курсантский норматив уложился. Но сегодня не будут проверять нормативы, силу, ловкость, навыки стрельбы и рукопашного боя. Сегодня будет одна единственная проверка. Всего лишь один тест.

Главный тест в его жизни. Отбраковка.

Никаких усилий – они все сделают сами. Останется только ждать.

– Простая формальность, – глядя в маленькое мутное зеркало на стене, сам себе сказал Крэйг. – И я войду в Ряды. Я – боевой термит. Настоящий боевой термит.

Слово ласкало слух, манило и дразнило его. Даже предстоящий тест не мог сбить хорошее настроение. Была лишь смутная тревога – но она не стоила того, чтобы обращать на нее внимание.

Вероятность положительного результата теста крайне мала. Именно потому финальный тест – всего лишь формальность, вроде инициации подростков в древних племенах. Полезная мутация выявляется еще в младенчестве – тогда и проходит предварительная Отбраковка. Отбракованные младенцы не жалуются – они еще не способны осознать ужас павшего на них выбора судьбы. На это можно посмотреть и с другой стороны: отбракованные обретают новую жизнь – жизнь боевых машин. Да и не было еще ни одной боевой машины, которая жаловалась бы на свою жизнь – мутаботы не знают другой судьбы, кроме той, что выпала на их долю.

– Сквэд, подъем!

Это сержант. Иногда кажется, что он вообще не спит. И только делает вид, будто не знает, куда шастают ночью его подопечные.

Не успело умолкнуть эхо, как с грохотом посыпались с коек остальные курсанты.

– Сдохнуть можно, Крэйг! – хохотнул за спиной Гонза. – Ты опять проснулся раньше команды!

– На тридцать секунд раньше, – уточнил Крэйг, тщательно приглаживая коротко стриженные волосы. – Все в пределах устава.

Через минуту, отведенную на приведение себя в порядок, и минуту на сборы сквэд в полном составе уже бежал трусцой вслед за сержантом по узкому туннелю. От школы до уровня Академии, где пройдет церемония, футов восемьсот, но до сих пор ни одному курсанту так и не довелось преодолеть это расстояние – переход на новый уровень закрыт для них до самой Отбраковки.

Жесткие, отдающие металлом окрики сержанта подчеркивают серьезность момента:

– Тверже шаг! Ровнее! В ногу!

В другой раз к командам прибавился бы прицеп из отборных армейских ругательств. Но даже мрачный, как сама тьма, Джаскин понимает, что такое финальный тест для ее подчиненных. Он ведь им как отец родной: от него достается исключительно за дело, да еще на добавку – чтобы помнили долг и Приказ чтили. Да что там говорить – этот старый негритос для них и есть единственный и незаменимый отец семейства.

Потому как термитам, искусственно выращенным в Инкубаторе, не положено знать своих настоящих родителей. Лишь «окончательная отбраковка» живет семьями на своем тошнотворном Дне – жуткими, уродскими семьями, плодя уродов и не имея шансов влиться в общество Термитника, пусть даже став мутаботом. Полнейший генетических мусор, годный лишь для грязной, неквалифицированной работы.

Крэйг помотал головой, сплюнул: чего это сейчас полезли в голову такие неуместные мысли? Видать, и впрямь перенервничал. Главное – не опозориться на плацу перед Отбраковкой.

Самый главный момент в жизни, важнее лишь присяга – но присягу зачитывают хором перед Капелланом. А тут ты один на один...

– Шагом! – рявкнул сержант.

Все перешли на шаг – ловко, одновременно, будто строй состоял из роботов.

– Дежурный, ритм!

Дежурный набрал полную грудь воздуха и во всю глотку заорал строевую кричалку. Строй рявкнул в ответ. Так, под ритмичные выкрики, и вошли в боковой портал Академии.

Туннель здесь устремлялся под наклоном вверх, образовывая под ногами ступени. Они покидали уровень Питомника, это пространство неопределенности между Инкубатором и верхними уровнями. От осознания этого сердца начинали биться сильнее.

Строевым шагом они входили в собственное будущее.

Их встретили вооруженные караульные, скалящиеся во все зубы из-под касок. Курсанты тарачились на караульных, на оружие в их руках, только теперь понимая: все серьезно. Пересекая охраняемый периметр, они входили в другую жизнь, переходя на уровень выше по жизненной лестнице, оставляя за спиной курсантскую вольницу и где-то под ногами – удушливую безнадегу чумазых. Этим бедолагам никогда не подняться выше. Их удел – служить высшим уровням.

Плац под бетонным сводом мог вместить несколько сквадов. Оно и неудивительно – он был рассчитан на более крупные подразделения – те, что выходили полностью готовыми к бою после обучения в стенах Академии. Сейчас посреди плаца стоял лишь их компактный строй в две шеренги.

– На Отбраковку отправляемся отделениями, – прохаживаясь перед строем, говорил сержант. – Держимся строго по уставу. Замечу расхлябанность, вялость, неуважение к Приказу – отбракую собственноручно.

Последнее было шуткой, хоть и топорно-сержантской. Но сквад вежливо хохотнул. Все-таки настал момент расставания с наставником, кулаками и затрещинами сделавшего из бесформенного инкубаторского теста приличные заготовки для будущих бойцов. Сентиментальность у курсантов не приветствовалась, но трудно сдержать скупую мужскую слезу.

Секунду спустя, однако, всю сентиментальность как ветром сдуло. Они стояли, вытянувшись, вперев стеклянные взгляды в высокие своды. Сейчас в них ничего не осталось от той бешеной банды, готовой рвать врага руками и лкать его кровь, как голодные крысенки. Все низменное само собой стекло по крутым ступеням на грязное Дно Термитника. Весь накопленный опыт, все знания должны теперь перейти в новое качество. Еще немного – и они станут полноправными боевыми термитами.

– Смирно! – рыкнул сержант.

Всех как током ударило. Вытянулись ещё сильнее, чуть не дугой выгнулись, лишь боковым зрением ловя неторопливо приближавшийся силуэт.

– Вольно, крысята, – проворковал низкий, с хрипотцой женский голос.

Никто не позволил себе расслабиться, лишь взгляды устремились в сторону подошедшего. Точнее, подошедшей.

Крэйг никогда ещё не видел старших офицеров. Ведь все они – женщины. Женщинам нечего делать на низких уровнях, если они не самки отбракованных – но ведь никто не станет всерьёз называть их женщинами.

Эта дама была в звании майора – огромная честь для полудиких сопляков, даже не успевших вычистить из зубов остатки плоти сожранных товарищей. Как поговаривал сержант, все они – всего лишь низкопробный товар, доставленный им на осмотр покупателю.

Покупатель – эта самая майорша. Но ей не нужен не проверенный второсортный товар. Таким они останутся, пока не пройдут Отбраковку.

– Так-так, ребяташки, – прохаживаясь перед строем, произнесла дама. Фигура у неё была ладная, лицо... Да кто там смотрит на лицо, впервые так близко увидев женщину?!

– Вижу, парни вы крепкие, глаза горят. Готовы умереть во имя Приказа?

– Так точно, мэм-майор! – рявкнули в ответ пятьдесят молодых глоток.

Орал со всеми и Крэйг, стараясь заглушить в себе непривычное смятение, вызванное близким присутствием представителя главного пола. Им говорили, что высшими офицерами женщины становятся неспроста – таково их магическое воздействие на подчиненных. И если раньше Крэйг ещё бы усомнился в этом утверждении, то теперь был вынужден признать правоту этого утверждения.

– Это хорошо, – довольно сказала майорша.

Она как-то неуловимо повела головой, чуть потянулась, на секунду проявив под тщателью подогнанной формой непривычные взгляду изгибы фигуры. И все пятьдесят пар глаз впилась в неё, как зубы в сочное мясо. Это было какое-то наваждение. У стоящего слева Дистрофика из уголка рта побежала струйка слюны. Крэйг с трудом сдержал усмешку.

Через секунду ему стало уже не до смеха.

Майорша остановилась прямо напротив него. И принялась рассматривать с головы до ног, будто гладила взглядом.

Крэйг ощутил, как ноги вдруг стали ватными, потемнело в глазах. А ощутив незнакомый тревожный запах, едва не грохнулся в обморок.

– Ты – Крэйг? – приблизившись, чуть не в ухо спросила она.

– Так... Точно... Сэр... Мэм... – едва шевеля пересохшими губами, пробормотал курсант.

Майорша впилась взглядом в его глаза – и сделала шаг назад, словно бы сразу потеряв интерес к курсанту. Крэйг остался стоять в неподвижности и смятении, не понимая, что это было, отчего мэм-майор проявила к нему отдельный интерес.

Тут же, впрочем, стало не до праздных мыслей: первое отделение стройным шагом вслед за майоршей отправилось на Отбраковку. Назад, разумеется, никто не вышел: прошедшие тест отправились на присягу по другую сторону стены, преграждавшей плац. В стене этой имелась единственная дверь с мрачными статуями по бокам. Статуи символизировали Бдительность и Неизбежную Кару, словно говоря: никому не миновать испытания. И никто не избежит предначертанной участи.

– Ну, чего встал как столб?! – просипел над ухом голос сержанта. – Особое приглашение нужно?! Напра-во!

Крэйг вздрогнул, выходя из оцепенения и понимая, что его отделение уже повернулось для движения вслед за вернувшейся майоршей и только он один хлопает глазами, как полный болван. Торопливо повернувшись, он зашагал в ногу с остальными, мысленно кроя себя самыми последними словами. Надо же – так опозориться в эдакий момент! Да ещё на глазах старшего офицера! Вот же дурак, сопляк, мальчишка...

За таинственной дверью в стене не обнаружилось ничего из того, что лихорадочно рисовало воображение. Главный тест на Отбраковку оказался обыкновенной пробой крови из пальца. В кабинет заходили по очереди, по вызову угрюмого медбрата в багровом комбинезоне. Крэйг зашёл третьим, вслед за Долговязым Ли. Медбрат довольно грубо проткнул ему иглой безымянный палец, выдавил приличную каплю тёмной крови на стеклышко, прижег ранку каким-то болезненным препаратом из глиняного флакона, коротко приказал:

– Жди!

Ничего не оставалось, как подчиниться. Медбрат с пробой крови исчез в боковой двери. Машинально сунув проколотый палец в рот, курсант скривился и сплюнул: медика-

мент, которым смазали ранку, оказался омерзительно горьким на вкус. Не успел он отплеваться, как из той же боковой двери вышел... Нет, не медбрат – вышла майорша собственной персоной. Выглядела она напряженной и была необычайно бледна, совсем не походя на надменного старшего офицера, каким она предстала на плацу.

– Слушай меня внимательно, – быстро заговорила она. – Твой тест дал положительный результат, – женщина сделала паузу, чтобы парень осознал услышанное. – Понимаешь, что это означает?

Крэйг медленно кивнул. Перед глазами все плыло, как в тумане. Казалось, это происходит не с ним.

Он понимал. Точнее, должен был понять – ведь столько раз прокручивал в голове такой вот вариант – ничтожный по вероятности, но все же возможный. Оказывается, есть вещи, к которым невозможно подготовиться.

– Значит, я буду... отбракован, – глухо сказал он.

– Не будешь, – быстро отозвалась майорша. – Если все сделаешь, как я скажу. Слышишь меня?

Крэйг кивнул – скорее машинально, чем понимая, о чем ему говорят. Он думал лишь о своей жизни, так быстро и неотвратно слитой в помойку. В лучшем случае из него сделают боевого робота, то есть самого обыкновенного мутабота. Но это маловероятно – он слишком взрослый для столь глубокой мутации. Скорее всего, из него сделают просто раба – послушного безмозглого вокера. Он станет одним из тех, кого еще вчера он надменно называл «чумадым». Что бы там ни было – карьеры боевого термита ему не видать, как своих ушей.

– Следуй за мной! – жестко приказала майорша.

Поманила, направившись напрямик в ту самую боковую дверь. За дверью оказалась тесная лаборатория, плотно заставленная каким-то древним оборудованием. Мигали светодиоды, что-то низко гудело, тянуло сквозняком. Но не это поразило воображение Крэйга – а медбрат, уткнувшийся носом в стол. Под неподвижной головой растекалась лужица крови.

– Это... вы его?! – изумленно произнес курсант.

– Это ты его, – холодно отрезала майорша. – А ты как думал? Мне подставляться нельзя. Скажи спасибо, он Чистильщикам сообщить не успел. Так что, это ты напал на лаборанта и сбежал благодаря собственной ловкости. Ведь ты для них мутант, как-никак, – она криво усмехнулась. – Или предпочитаешь оказаться в лапах Лабов?

– Нет! – невольно вскрикнул Крэйг.

– Вот и я так думаю. Тебе придется затаиться. – Отправишься на самое Дно. Курс выживания прошел?

– Так точно, мэм...

– Вот и постарайся выжить. На контакт ни с кем не иди – даже с самыми безмозглыми отбракованными. Но главное – не попадись Чистильщикам. Придет время – тебя найдут. Все понял?

– Почему вы мне помогаете? – в голове Крэйга была вязкая каша, и он ляпнул первое, что крутилось на языке. – Я вам... понравился, да?

Майорша посмотрела на него с изумлением, и Крэйг ощутил, как густо краснеет от невообразимого до этого стыда.

– Дурачок, – просто сказала она. – За тебя попросили.

– Кто?

– Ты слишком много от меня хочешь, крысенок, – отрезала майорша. – Давай остановимся на том, что я спасаю твою драгоценную шкуру.

Крэйг прикусил язык. Перед глазами снова возникла перспектива Отбраковки. Лабы в кровавой форме, прикручивающие его к лабораторному столу, вводящие в вены капель-

ницы с активными веществами, убивающими в нем остатки человеческого существа. Тело, начинающее медленно, но неуклонно изменяться в уродливые формы, считающиеся полезными для боевого мутабота или, на худой конец, мутавокера. Вслед за искажением тела начинает искажаться сознание, теряя воспоминания, навыки и само ощущение собственного «Я». Роботу, как и рабу, самосознание не нужно. Вместо этого будут прокачаны области нервной системы, отвечающие за полезные рефлексy, выносливость и исполнительность. Это похоже на смерть. Нет, это хуже смерти – это растянутая во времени агония.

Сплотнув, Крэйг кивнул. Странное ощущение: как будто воля оставила его, полностью передав обстоятельствам. А может, его просто подчинила себе своими магическими чарами эта женщина? В любом случае в нем не осталось ничего от дерзкого бойца, способного броситься в лицо смерти. Когда твой враг обезличен, когда он не существо, даже не толпа чудовищ, а бездушная машина принуждения – здесь неподготовленное сознание дает сбой. И остается лишь довериться судьбе.

Которая, несмотря ни на что, оказалась сейчас на его стороне.

Майорша вдавила ногой неприметную педаль под столом. В полу стальной диафрагмой, напоминая пасть огромного червя, распахнулся зев люка. Потянуло омерзительной вонью. Женщина кивнула в сторону люка:

– Это слив. Он идет напрямик в Поддонье.

– Поддонье? – Крэйг нервно моргнул.

– Санитарная зона ниже уровня Дна, – пояснила майорша. – Наверное, ты не знал об этом уровне, но тебе и не положено, не твоя степень доступа. Тебе туда.

– Туда? – глядя в глубину грязного зева, тупо повторил Крэйг.

– Туда, – холодно сказала майорша. Расстегнула притороченную к бедру кобуру, достала пистолет, вложила в онемевшую руку парня. – Держи, пригодится. Но не надейся там долго продержаться – отыщи коллектор и переберись на уровень выше.

Холодный металл оружия оттягивал руку. На миг волнение от прикосновения к этому предмету затмило ужас происходящего. Курсант впервые держал в руках офицерское оружие – символ безграничной власти над теми, кого командиры без колебаний отправляют на смерть. Курсанты, как и рядовые термиты, имеют дело лишь с карабинами местного производства, с промуровней Термитника. Однозарядный, с примкнутым штыком – эффективное в группе, но довольно примитивное оружие. В тесноте подземелий обладатель многозарядного полуавтоматического пистолета имел абсолютное преимущество над целой толпой, вооруженной карабинами. Правда, каждый патрон к нему – сродни драгоценности. Именно поэтому пистолет редко используется в бою.

Он – кара для предателя и труса, воодушевление для рядового. Офицер имеет право застрелить подчиненного в любой момент и без специального повода. Это напоминание о долге перед Приказом. А еще цель для каждого усердного термита – однажды самому обрести право отдавать команды и карать нерадивых.

Крэйг знал, как некоторые из его товарищей мечтали получить это право мгновенной расправы, но сам не мог уловить сути странного удовольствия. Но теперь, ощутив в руках символ бесконечной власти над чужой жизнью, ощутил в себе что-то новое.

– Это мне? – все еще не веря, проговорил Крэйг.

– Не трать время! – отрезала майорша. – Как пользоваться, знаешь?

– Изучали. Правда, в теории...

– Разберешься. Или сдохнешь – другого варианта не будет. В Поддонье тебе долго не продержаться.

– Что же там такого?

– Увидишь. Думаю, после Поддонья Дно покажется тебе раем, – майорша сдержанно улыbnулась. Спohватившись, сдернула с пояса и протянула ему компактный фонарь. – Держи, пригодится. Нож есть?

– Так точно.

– Тогда прыгай, быстро!

Крэйг хотел спросить еще что-то, но из лаборатории донеслись шаги, послышались недоуменные голоса. Изменившись в лице, майорша торопливо подтолкнула его к люку. Глянув в зловонный зев, парень снова ощутил приступ ужаса. Он не боялся врагов, не боялся мутантов, голода, холода, темноты.

Он боялся неизвестности.

До этого самого момента его жизнь была predeterminedена, и даже перспектива погнбнуть во исполнение Приказа казалась прекрасной. Но сгнбнуть в неизвестности, в вонючей клоаке, бессмысленно удирая, как какой-то преступник...

– Мэм-майор... – упавшим голосом проговорил Крэйг. – Может, мне все-таки подчиниться Приказу? Раз мне выпала Отбраковка – я должен...

– А ну, пошел!

Удар офицерского ботинка в грудную клетку оборвал сомнения. Качнувшись и взмахнув руками, едва не выронив пистолет, Крэйг шагнул назад.

И рухнул во тьму.

Глава 3 Поддонье

Катясь кубарем по наклонному туннелю, Книжник понял, как ему повезло. Ведь под замаскированной крышкой люка могла оказаться вертикальная шахта какой угодно глубины. Не успей схватиться за какое-нибудь подобие лестничных перекладин, он имел все шансы свернуть себе шею даже при падении с небольшой высоты.

Через какое-то время ему удалось остановить беспорядочное падение, упершись ногами в противоположные стенки, благо ширина лаза это позволяла. Нашулав под собой подобие ступеней, вырытых и утрамбованных в плотной почве, он занял более-менее равновесную позицию, чтобы перевести дух и подумать. А подумать было над чем.

Продолжить спуск или вернуться? Там, в глубине – неизвестность. Он понятия не имел, что это за подкоп. Но почти был уверен, что это дело рук чужаков. В свете того, что творилось в Кремле, нетрудно было сделать предположения, что подкоп и нападение неизвестной силы как-то связаны. Стало быть, о подкопе следует немедленно сообщить князю или ратникам. Но, выбравшись наружу, он рискует тут же попасть в лапы опричников.

С другой стороны, что важнее – его собственная судьба или безопасность Кремля? Какими бы гнусными гадами ни были служаки Тайного Приказа, служили они Кремлю. И этот подкоп без внимания не оставят – если уже не обнаружили его. Это же серьезное дело – тайный подкоп в святая святых древней крепости. По любым расчетам сделать такой без специального оборудования, незаметно и тихо почти невозможно.

У ратников, да и у опричников на этот случай специальные слухачи имеются – землю слушают. Воткни лопату в землю по ту сторону стены – и то услышат. А уж начнут землю ворошить под стенами – выявят гарантированно.

Так считали знающие люди. И вот, оказывается, просчитались.

В любом случае имело бы смысл продолжить спуск, чтобы разведать обстановку. Хотя как ее разведает? На ощупь? Он в абсолютной темноте, даже кресала нет, чтобы добыть огонек, не говоря уж о нормальном фонаре или масляной лампе. Самое неприятное в этой ситуации было бы наткнуться на какую-нибудь хищную подземную тварь, от которой даже не удерешь в темноте. На стальную сколопендру, к примеру. Вокруг Кремля их полно.

– Ну уж нет... – пробормотал Книжник. – Лучше уж к опричникам, под охраной посидеть.

Тут же снизу донеслись крайне неприятные звуки – то ли шуршание, то ли попискивание, то ли постукивание челюстей.

– Вот, блин...

Он стал торопливо карабкаться назад, вверх – не успел. И, похоже, не успел удачно: над головой глухо грохнуло, обдав жаром и пылью. Крупными комьями вниз покатила земля. Книжник закашлялся, принялся отплеиваться землей со вкусом гари.

Видать, опять рвануло. Сегодня прямо «везло» на взрывы. Поднявшись на несколько ступенек вверх, он уперся в плотный завал из взрыхленной земли и камней. Кто бы ни осуществил взрыв – неизвестные или опричники, решившие заткнуть подозрительную дыру, пути наверх не было. Он остался наглухо запечатанным под землей в абсолютном мраке без малейшего шанса выбраться.

Самое время предаваться панике.

– Спокойно... – проговорил Книжник. Голос звучал бледно и ватно, его звук ничуть не добавлял бодрости. – Все будет хорошо. Главное – не паниковать. Не паниковать... О, черт!

Подозрительные звуки внизу повторились. Книжник вжался спиной в стену завала, стараясь не дышать и не двигаться.

Шуршание и цоканье повторились вновь – уже ближе. Семинарист ощутил, как волоски на всем теле вздыбились, по спине побежали ледяные капельки пота. Зашуршало ближе.

Еще ближе.

Он не видел ни зги, сколько ни таращился во мрак. Наверное, так ощущают себя внезапно ослепшие люди. И, как у настоящего слепца, чувства у него обострились до предела. Он вдруг ощутил едва заметное движение воздуха в свою сторону.

Что-то или кто-то было совсем рядом. Отсутствие зрения компенсировалось бешеной работой воображения: в голове возникали обрывочные образы кошмарных монстров, которых может создать самый неистовый фантазер – страх.

Наверно, неспроста говорят про шестое чувство – сейчас он буквально кожей чувствовал чужое присутствие. Более того – чужое дыхание.

Самое время обмочить штаны.

Это нечто уже не особо таилось – шуршание стало явственнее и ближе. И вдруг что-то тихо застрекотало у самого уха. Книжник узнал этот звук – так стрекочет стальная сколопендра. Щека ощутила прикосновение – омерзительно суетливое, осторожное.

Не надо было иметь острое зрение, чтобы понять, что происходит. Усик стальной сколопендры, один из двух, торчащих на полтора метра над ядовитыми челюстями, вот, что это такое. И раз уж его обнюхивают при помощи этих омерзительных штуквин, нет сомнения, что он уже стал пищей. Может, его сожрут не сразу – сколопендра может быть и сытой. Но убьет она наверняка, просто потому, что такова природа этой твари: она убивает все, что слабее ее, и уж после решает, сожрать сразу или отложить на потом, дав пище немного разложиться для облегчения переваривания.

Все эти мысли отвлеченно проплывали в голове Книжника, вытесняя более естественное чувство страха. Может, сработал какой-то защитный механизм психики – просто, чтобы не сойти с ума. Хотя он бы предпочел умереть сумасшедшим, не осознавая, что тебя заживо рвут на части.

Истошный визг ударил в барабанные перепонки, и Книжник уже попрощался с жизнью, готовясь ощутить нестерпимую боль. Боль не пришла – вместо этого в лицо брызнуло чем-то омерзительно густым и тошнотворно вонючим. Где-то во мраке, прямо напротив ничего не видевшего парня, происходила какая-то яростная возня. Мозг мгновенно выдал версию: там дрались две злобные твари. Может, не две, а больше – это не имело значения. Возможно, делили добычу, а может – территорию. И это также было не важно.

Важно одно: это шанс. Ничтожный, но все же.

Зажмурившись, прикрыв лицо ладонями, парень бросился вперед – напрямик в это безумное, исходящее воем и визгом движение. Руки, лицо, шея – все ощутило множественные прикосновения волосков, усиков, лапок, шершавых чешуек, панцирей и еще черт знает чего. Отвращение и страх боролись за право стать главным чувством, пока их обладатель продирался сквозь все это извивающееся, грызущее, чавкающее, норовившее пощупать и откусить кусочек плоти, а может – впрыснуть изрядную порцию яда. Буквально просочившись сквозь этот шевелящийся ад, семинарист ощутил чистое пространство – и, не раздумывая, бросился дальше, под уклон, буквально катясь кубарем и все больше набирая скорость. Крутизна уклона, однако, не позволяла сходу убиться, и вскоре Книжник уже мог контролировать спуск.

И только теперь его догнал настоящий страх. Тяжело дыша, парень принялся судорожно отряхиваться, сбрасывая с себя несуществующих тварей. Это походило на безумие,

но Книжник буквально спиной ощущал, как кто-то крадется по пятам, норовя взобраться на спину – и впиться жвалами в шею...

Наверное, он был близок к тому, чтобы спятить. Во всяком случае, еще никогда безумие не подбиралось так близко. Он полз на четвереньках, вниз головой, падая и скользя по уклону, бормоча:

– Это всего лишь муты... Тупые твари... Тупые, безмозглые... Твари! Твари!

Кто его знает, что бы произошло с перегретой психикой, если бы где-то далеко внизу не показался слабый отблеск света. Ничтожный пучок фотонов в крошечной тьме мгновенно прогнал удушающий ужас, уступив место слабой надежде.

Ведь кто-то пришел оттуда наверх. Кто-то живой. Пусть даже это враг – но все же не бездушная многоножка с колючими лапками и нервно шевелящимися усиками.

– А-а, что б тебя! – прорычал Книжник, мотая головой. Он пытался прогнать навязчивые картины. – Я не боюсь вас, слышите?! Не боюсь!

На этот раз самовнушение сработало куда лучше. Все-таки человек – существо не ночное, и уж точно не приспособленное к жизни в норах. После недавнего кошмара даже слабый лучик света дает ему ощущение твердой почвы под ногами.

Хотя с какой стати такой оптимизм? Там, внизу – враг.

Вот, наконец, он произнес, хоть и мысленно, это слово. Друг не приходит тайно, не роет подкопов, и уж тем более это не происходит одновременно с нападением неизвестных. Если сложить кусочки паззла – получим странного подземного врага. Хочется верить, что там, наверху, сделали те же выводы, и вход в этот туннель над головой завалили не только, чтобы навсегда запечатать здесь неугодного князьего советника.

Ведь по сути, его убили. Ибо выбраться наверх у него просто нет шансов: не убьют неизвестные там, внизу – так довершат свое дело подземные хищники.

– Отставить панику! – процедил он сквозь зубы. – Живы будем – не помрем!

Банальная фраза – но несколько прояснила мозг, избавив конечности от нервного тремора. Беспорядочное бегство, переходившее буквально в падение кубарем в темную бездну, перешло в осторожное движение вперед.

Это ведь зависит от точки зрения: можно считать себя в западне, беспомощной жертвой, которую неотвратимо ждет смерть. А можно в той же ситуации считать себя же разведчиком, нарочно прокравшимся во вражеский тыл. Последняя позиция куда комфортнее, более того – она придает смысл твоему движению, подсвечивает цель. Когда тебе известна цель – мозг занят ее решением, четко ставит задачи и указывает путь. Когда есть цель, не может быть даже мысли о смерти – ведь ты обязан выжить, чтобы исполнить задуманное. Простая, казалось бы, мысль – но так тяжело преодолевается животное начало, предпочитающее кататься в пыли и визжать от ужаса.

Книжник уже умел обманывать трусливую тварь внутри себя, спасибо многочисленным рейдам совместно с опытным воином – Зигфридом.

Жаль, что его сейчас нет рядом. Для Зига нет нерешаемых проблем, нет врага, которого нельзя было бы одолеть. Рядом с ними не испытываешь страха. Единственное, что можно сделать – поставить себя на его место.

Что сделал бы сейчас Зигфрид? Как бы себя повел, какие б ориентиры поставил?

Интересная задачка. На некоторое время она заняла ум Книжника, окончательно вытеснив страх. Упражнение оказалось действенным: удалось составить некоторый алгоритм поведения, которое, как казалось семинаристу, соответствовало бы натуре веста.

Во-первых, Зигфрид перестал бы переть напролом, топя, хрипло дыша, ссылая вперед себя комья земли и камешки. Он крался бы вперед бесшумно и быстро, «на мягких лапах», не выдавая себя раньше времени и уж точно не ведя себя, как типичная жертва.

Во-вторых, он бы весь обратился в слух и зрение, анализируя крохи полученной информации и делая выводы. Ты должен понимать, где находишься, что происходит, и уже исходя из этого планировать свои дальнейшие действия.

В-третьих, Зигфрид прикинул бы имеющиеся у него возможности. Сюда, к примеру, входит поиск всего, что сошло бы за оружие. То, что будет у тебя в руках, определит твои шансы в возможной схватке. Или наоборот, покажет, что схватки следует избегать любой ценой.

Ну и, исходя из всего этого, Зигфрид составил бы план действий. Все это заняло бы у него не больше десятка секунд – и воин уже знал бы, как станет прокладывать себе путь к свободе. А то, что вест выберется из этой тьмы, он не сомневался бы ни секунды – ведь Зигфриду неведомы поражения.

Книжник усмехнулся: он не Зигфрид. И не каждый урок, преподанный ему боевым товарищем, он смог бы повторить без вреда для собственного здоровья. Но постарается действовать именно в этом ключе. Просто потому, что ничего лучшего придумать сейчас не в состоянии.

Итак, первое – стать невидимым и неслышимым, слиться с местностью, если только эту душную кишку можно считать таковой. Сбавив темп, он постарался восстановить дыхание, перестав пыхтеть, как паровой котел перед взрывом. Получилось не очень: теперь ему казалось, что тишину разрывает стук сердца, норовившего вырваться из груди. Тихо продвигаться по склону также получалось не очень – ноги скользили, выбивая предательски шуршащие камешки. Но все же стало немного тише, а это в свою очередь добавило спокойствия и уверенности.

– Ладно... – чуть слышно прошептал Книжник. – Теперь попробуем понять, где мы, что все это значит...

Он замер, вслушиваясь в тишину и вглядываясь в едва различимое пятно света впереди. Казалось бы, информации ноль. Но кое-какие выводы можно было сделать и сейчас.

Туннель несомненно использовали люди. Или существа, неотличимо похожие на людей – в мире, который настойчиво завоевывают мутанты, нельзя сходу признавать человеком того, кто просто похож на него. Единственного представителя неизвестных из подземелья Книжник видел лишь мельком. Поведение его нельзя назвать дружественным. Впрочем, опыт учит считать врагом каждого, кто поступками не доказал обратного.

Итак, там, внизу, враг. Как минимум, обладающий мощным источником света. Судя по всему – электрического. Значит, враг имеет мощный источник энергии – свет горит ровно, его не экономят по круплицам, как случается даже в Кремле. Сегояшнее нападение подтверждает мощь неизвестного врага. Хочется верить, что кремлевская дружина отобьется, как это не раз бывало – а он приложит все силы, чтобы собрать информацию о противнике – и доставить ее командованию.

Вот и цель образовалась. Осталось прикинуть свои возможности и пути ее достижения. Коснувшись голенища высокого ботинка, Книжник нащупал тайный карман – там было спрятано несколько смазанных ядом стилосов, которые не успели отобрать опричники. С некоторых пор он всегда носил с собой это простейшее оружие самообороны. Так что нельзя сказать, что возможного врага он встретит совсем уже безоружным. Этого, правда, нельзя сказать про всевозможных хищных тварей: парализующий яд действует лишь на людей и родственников им муттов, вроде нео или шамов. Так что самое время пожалеть об отсутствии арбалета...

Рассуждая таким образом, Книжник продолжал продвигаться вперед. Именно вперед – туннель перешел в горизонтальную плоскость. Свет стал чуть ярче, хоть его источник пока не был ясен.

Туннель оборвался неожиданным препятствием.

Это была дверь. Массивная металлическая дверь, чем-то напоминавшая бронированные люки противоатомных убежищ времен Последней Войны. Выпуклая, глухая, создававшая ощущение непреодолимой преграды. Древний металл был покрыт бесчисленными слоями краски, что, видимо, и спасло ее от безжалостного времени. За дверью определенно следили. Что, однако, не радовало: открыть ее не представлялось возможным. На тусклой поверхности не было ни рукоятей, ни выступов, ни замочных скважин. Последнее, впрочем, глупо было бы ожидать от двери бомбоубежища. Обшарив металлическую поверхность и толкнув ее плечом (для очистки совести), Книжник в растерянности огляделся. Это было препятствие, о которое с треском разлетались все его с трудом выстраданные планы.

Тупик.

Оставался, однако, вопрос об источнике света. В тесное пространство туннеля свет проникал через узкую дыру в бетонном «полу» по правую руку от люка. Книжник расчистил небольшой участок поверхности от земли, поскреб ногтем. Точно – бетон. И дыра, в которую едва могла пролезть голова – хотя какому сумасшедшему захочется совать голову в отверстие, из которого струится странный зеленоватый свет и доносятся крайне неприятные звуки.

Вариантов было немного. Первый – неистово колотить в дверь, надеясь, что те, по другую от нее сторону, откроют чужаку. Второй – дожидаться, пока дверь не откроют изнутри хозяева, чтобы осуществить очередную вылазку. И тот и другой план были порочны по определению, так как предполагали заведомую сдачу в плен. Это при условии, что неизвестные в принципе берут пленных. Можно, правда, неожиданно напасть на того, кто откроет этот «ларчик». Благо, наличие стилосов позволяют справиться с одним-двумя противниками, используя эффект внезапности. При этом придется сделать допущение: противник не видит ничего, что происходит перед дверью. Подсветка «прихожей», однако, намекала на то, что это пространство все же каким-то образом просматривается «с той стороны».

Ему не пришлось решать эту задачу. Необходимость немедленных действий пришла вместе со знакомым шуршанием и повизгиванием в глубине туннеля.

Твари, видимо, разобрались друг с дружкой и теперь шли за ним.

В этот момент все усилия, потраченные Книжником на восстановление спокойствия и душевного равновесия, пошли прахом. Ужас вернулся с новой силой, и парень уже сам не понимал, как случилось, что он, стоя на коленях, яростно колотит в глухую бронированную дверь и истошно орет:

– Откройте!!! Впустите меня! Спасите! Я больше не могу! Я... Я сдаюсь!!!

Последняя фраза неожиданно испугала его самого. Жгучий стыд, оказавшийся сильнее страха, на мгновение вернул его к реальности. Этого хватило, чтобы обернуться назад и увидеть выползавшее из мрака чудовище. Это было что-то новенькое – гибрид стальной сколопендры с гигантской медведкой. Полуметровые челюсти клацали со звуком молотков, из дрожащей в предвкушении пасти сползали клочья розовой пены.

Что случилось дальше, Книжник не смог бы описать никакими словами. Наверное потому, что разум отключился и, наподобие аварийной системы спасения, врубилась некие защитные механизмы психики. Иначе трудно объяснить, что заставило его броситься в «угол» по правую сторону от двери и уткнуться головой в это узкое, опасно светящееся отверстие?!

Разум вопил: «Стой, застрянешь!!!» И тут же, противореча сам себе орал: «Беги!!!» Инстинкт игнорировал вопли разума – он заставлял худощавое тело извиваться, все глубже заталкивая самое себя в тесную нору. Что-то там, на поверхности, уже норовило ухватить за подошву ботинок – наверное, это были те самые кошмарные челюсти. И тело начинало само собой бешено извиваться, протискиваясь все глубже и глубже. В какой-то момент Книжнику показалось, что он окончательно застрял. С отчаянным криком забился, как рыба, попав-

шая в сеть. Треснула и разошлась по швам куртка, оставшись клочьями на стенках туннеля. Благо, сегодня он не успел надеть новую «камуфляжку», и древняя, полуистлевшая ткань, расплзшись, попросту спасла ему жизнь. Еще раз дернувшись, он выскользнул из тесного прохода – как младенец из материнского лона.

И полетел в зеленоватую мглу...

Всплеск.

Ледяная вода обожгла тело, мгновенно приведя в чувство. Вынырнув на поверхность, Книжник едва не задохнулся от вони: эту воду никак нельзя было назвать ключевой. Известно, чего здесь был больше – собственно воды или растворенных в ней нечистот. Захлебнуться в этой жиже показалось вдруг страшнее смерти в пасти стальной сколопендры. Отчаянными гребками Книжник бросил себя в сторону бетонного выступа, торчавшего из воды у самой стены. Цепляясь за склизкую поверхность, выбрался на узкую площадку. Привалился к стене, переводя дух.

Чудесное спасение от хищной подземной твари не принесло облегчения. Он оказался в ужасном месте, существование в котором само по себе казалось мучением. Тело било от холода и омерзительного жжения, и стоило немалых усилий, чтобы не сжаться в грязный комок и не уснуть тяжким сном. Не было никакой уверенности, что он проснется: если не сожрут какие-нибудь местные твари, здесь вполне может убить сам воздух, тяжелый и наверняка ядовитый.

Картина между тем представляла хоть и неприятная, но вполне себе грандиозная. Даже представить было невозможно, что в непосредственной близости от Кремля есть такие обширные подземелья. У Кремля тоже есть подземные убежища, плантации органической пищи, оставшиеся со времен ядерной зимы. Но там все приспособлено для жизни, аккуратно и четко – иначе просто бы не выжить в те тяжелые времена. А вот кому могла потребоваться такая гигантская лохань с дерьмом?

Только сейчас глаза, привыкшие к слабому освещению, наконец, разглядели источник таинственного света. Светилась вода. И не просто светилась – в глубине плавно двигались широкие полосы с разной световой силой. Приходилось признать: эта дрянь все-таки не совсем дерьмо, а некая довольно сложная субстанция, и свет она излучает неспроста.

Похолодев, хотя, казалось, дальше уже некуда, семинарист подумал: «Неужто радиация?» При таком интенсивном свечении излучение должно быть просто бешеное. В таком случае он уже обречен на медленную и мучительную смерть.

Эта мысль здорово взбодрила – так, что аж подбросило на ноги. Стоя на своем узком «карнизе», Книжник решил, что это все-таки не радиация. Иначе уже начались бы первые признаки облучения – проблемы со зрением, слабость, рвота. Несмотря на то, что пришлось нахлебаться этой мерзости, тошноты не было. Книжник машинально сплюнул. Глупо, конечно, – здесь даже воздух пропитан этой дрянью. Однако вляпался он серьезно. Чтобы не тратить силы на бессмысленную панику, он просто двинулся по выступу вдоль стены. Наверняка где-то есть путь наверх – не зря же сделан этот бетонный карниз по периметру подземного резервуара.

Точно – резервуар. Только для чего он тут – по-прежнему вопрос. Выдалбливали его основательно, вдумчиво, оставляя массивные поддерживающие колонны через равные промежутки. Видать, чтобы все это не рухнуло. Основательный инженерный подход, надо отдать должное.

Так он шел минут двадцать, поеживаясь от холода и угрюмо усмехаясь: никогда не знаешь, от чего сдохнешь – в пасти голодного мута, захлебнувшись в нечистотах или банально от переохлаждения. Холод подталкивал вперед, заставляя скорее искать выход отсюда.

Что-то громко булькнуло на поверхности светящейся жидкости. Приглядевшись, Книжник заметил медленно двигавшиеся в глубине тени. Нечто большое вдруг изменило

траекторию и, всколыхнув волну, достигло поверхности. Книжник с ужасом разглядел уставившийся на него глаз – размером с крупный кулак, неподвижный, на массивном отростке. Глаз медленно погрузился обратно в пучину – как перископ субмарины. Что-то заставило Книжника резко ускориться – и тут же в стену ударила тугая струя святящейся жидкости.

Эта тварь пыталась смыть его с возвышения над водой! Книжник прибавил ходу, почти переходя на бег. Атака повторилась – теперь поток воды стал мощнее. За ним явно начали охоту. Семинарист сменил направление, попятившись назад – и это снова спасло ему жизнь. Переведя дыхание, он резко бросился вперед – и теперь вслед ему вдоль стены пошла мощная волна, поднятая тушей, все еще скрывавшейся под водой.

Однако! Так ему долго не продержаться. Или он найдет выход, или придется совсем туго...

Громкий всплеск в десяти шагах от бортика спугнул чудище – или отвлек его внимание. Что-то тяжелое шлепнулось с потолка в воду. И тут же вынырнуло, хрипя, отфыркиваясь и отплеываясь. Несмотря на угрозу собственной жизни, Книжник немало подивился данному факту: упавшее с каменного свода, а точнее, из темной дыры в нем, оказалось человеком! На миг семинарист так и замер с открытым ртом, заодно радуясь тому, что подводный монстр наконец отстал. Но тут же понял: хищник (а кто это еще мог быть?) теперь заинтересовался «упавшим с неба».

Тот же отчаянно барахтался на поверхности, явно не умея плавать.

– Утонет... – пробормотал Книжник.

Тут же в сторону барахтавшегося пошла выпуклая, как линза, волна.

– Не утонет, – уже увереннее произнес семинарист. – Сожрут.

И, не раздумывая, бросился в светящуюся гадость, условно называемую водой. Казалось бы: какое ему дело до незнакомца? Тем более, что своим появлением он отвлекает хищника от него самого! Трудно сказать, чего в этом поступке было больше – неожиданно проснувшегося гуманизма или страха упустить шанс снова пообщаться с кем-то живым, а главное – похожим на человека, а не на ночной кошмар. Когда против тебя – сущности, словно выползшие из преисподней, любой двуногий и двурукий покажется союзником.

В любом случае, уже оказавшись в воде, Книжник понял, что погорячился. С чем он пойдет на огромного подводного врага? Со стилусом? Даже если удастся вытащить его из размокшего ботинка, его попадание в эту тушу – как биороботу дробина. Но думать не было времени – он греб изо всех сил к незнакомцу, все еще надеясь его спасти и даже не думая о том, что сам подставил себя под удар.

– Держись! – крикнул семинарист, пытаясь схватить человека со спины под руки.

Он, вроде бы, встречал в книгах картинки о спасении утопающих, где предлагался именно такой способ. С первой попытки ничего не вышло. Более того, незнакомец стремительно развернулся – и принялся судорожно хватать его за руки, за плечи, пытаясь чуть ли не вскарабкаться нежданному спасителю на голову.

Книжник, едва снова не наглотавшись воды, ощутил, что этот тип просто-напросто его топит.

– Отстань! – пробулькала он, отчаянно отбиваясь от утопающего. – Не хватайся за меня... Руки, говорю, убери! Черт...

Тот не слушал – лишь хрипел и норовил снова вцепиться в спасителя, утаскивая за собой на дно. С огромным трудом Книжнику удалось вырваться. Но тут свечение воды под ногами заслонила огромная тень. Что-то вплывало, и Книжнику показалось даже, что под ногами раскрылась чудовищная пасть. Последнее было довольно странно – ведь одновременно с этой пастью рядом всплыл уже знакомый глаз, мелко дрожащий на тонком отростке.

Решение пришло внезапно. С отчаянным воплем Книжник вцепился в эту ножку, на которой раскачивался зловещий глаз. Ножка оказалась неожиданно хрупкой – одним рез-

ким движением парень буквально сломал его – хотя чему там было ломаться, тоже не было понятно. В любом случае глаз померк и опал куда-то в бок, и тут же вода забурлила, пространство заполнил чудовищный визг. Книжника швырнуло в сторону стены под выступом. Он больно стукнулся спиной, но успел заметить кувырком полетевшего в сторону незнакомца. Можно было выбраться из воды, но Книжник из последних сил погреб в сторону чужака.

Чудовище бесновалось от боли. Вода бурлила, разбегались волны. Следовало торопиться, пока мутант не придет в себя и снова не займется ими. В какой-то момент Книжник потерял человека из виду и понял: тот пошел ко дну.

Пришлось нырять. Каким-то чудом он нащупал в глубине обмякшее тело, дернул кверху. Хотя сил уже не оставалось, он сумел добраться до выступа и дотащить вслед за собой бесчувственное тело незнакомца. Отчаянным усилием вытащил тело «на сушу» – здесь имелась глубокая ниша в стене, и Книжник поспешил оттащить чужака подальше от кромки воды.

Перекинув тело через колено, вытряхнул из легких остатки воды, сделал искусственное дыхание. Минута – и человек задышал, заходясь в кашле.

Что-то глухо стукнуло. Книжник напрягся: на бетон из-за пояса чужака выпал пистолет. Похоже, древняя армейская «беретта». Был соблазн присвоить оружие, пока хозяин в отключке. С оружием и этим типом можно было бы говорить увереннее. Но интуиция подсказала: не стоит. Эпизод с подводным монстром показал – даже здесь оружие решает не все. К тому же пленнику семинарист предпочел бы благодарного союзника. Хотя надеяться на человеческую благодарность – тоже последнее дело. Осторожно сунув пистолет обратно за пояс спасенному, Книжник поднялся и стал его с любопытством разглядывать.

Это был совсем молодой парень, младше его самого, пожалуй. Долговязый, тощий и жилистый, сплошь покрытый мелкими шрамами. Невероятно бледный – такой бледности Книжник у людей еще не встречал. Одет он был в серую и грубую, явно самотканую робу с неким подобием незнакомых знаков отличия на рукавах и плечах.

Парень, наконец, пришел в себя, уставившись на Книжника мутным взглядом.

Вот и момент истины. Теперь главное – не совершить какой-нибудь дурацкой ошибки. А потому стоит предоставить парнишке с пистолетом заговорить первым.

– Ты... Кто? – прохрипел парень.

У него был любопытный акцент. Не мешающий пониманию, но явственный. Вместо ответа Книжник чуть улыбнулся. Пусть скажет еще что-нибудь.

– Это ты меня вытащил?

Точно, акцент. Не резкий, чуть гортанный. Что-то подсказало: надо стараться говорить похоже. Еще не понимая зачем, Книжник отозвался, тщательно имитируя акцент:

– Да вроде того. Тебя тут, похоже, слопать собирались.

– А... Дикие мутаботы, наверное, – непонятно отозвался чужак. – Тут же их навалом, верно?

Книжник пожал плечами: ему-то откуда знать?

Чужак с трудом сел. Вытащил из-за пояса пистолет, поглядел на него, вроде бы с недоумением, сунул обратно. Покрутил головой, разминая шею. Снова уставился на Книжника.

– Ты меня вытащил, – сказал он. – С меня долг.

– Брось, – отмахнулся Книжник. – Какой еще долг?

Спасенный насупился, странно поглядел на семинариста:

– Хочешь сказать, что купил меня? Взял в оборот, да?

– С чего ты взял? – Книжник растерялся. – Ничего такого я не говорил...

– Это правильно. А то я уж думал, ты курсанта оскорбить решил. Мол, я долг отдать не в состоянии. Знаешь, что я за это с тобой могу сделать? – рука паренька легла на рукоять пистолета.

Книжник несколько опешил от такого проявления благодарности. Но и паренек быстро смягчился и несколько надменно похлопал его по плечу со словами:

– Ладно, не трясись. Слышал я, что вы тут, в Поддонье совсем дикие. Так вот знай: курсант всегда возвращает долг. Закон чести и бизнеса.

Книжник аж моргнул от неожиданности. Никогда еще не доводилось слышать о чести в привязке к бизнесу. Само это слово было редким и имело хождение на поверхности разве что у Маркитантов.

Все-таки надо поосторожнее в разговоре, когда не понимаешь контекста. Главное, выбрать правильную линию поведения.

– А ты чего голый? – неожиданно спросил парень. – Ладно, не отвечай. Знаю, совсем у вас с житухой худо. Но тут уж без вариантов: раз попал в Поддонье, значит, такова воля Приказа...

Он сделал движение, словно отдал честь чему-то у себя над головой. Удивленно скопился на Книжника. Интуиция снова пришла на помощь, и Книжник торопливо повторил движение, козырнув воображаемому «ангелу» над собой. Парнишка тут же расслабился.

Однако. Похоже на какой-то культ. Опасная ситуация: он, Книжник, уже не раз едва не становился жертвой адептов всякого рода культов и сект. Главное сдуру не оскорбить религиозные чувства местных своими неуклюжими движениями. Так и до расправы недалеко.

– Давай, рассказывай, – приказал спасенный. – Кто ты такой, что ты тут, в этом дерьме, делаешь?

Именно приказал – спокойно, уверенно, как будто имел на это право. Интересный поворот. И что тут ответишь? Ведь только начни сочинять – и ложь неизменно приведет к проблемам. Потому как невозможно предугадать, в какой момент вранье выдаст в нем вражеского лазутчика. Книжник не сомневался: церемониться с ним не станут. В лучшем случае убьют на месте, в худшем – запытают на допросах.

Самое время пойти ва-банк.

– Я не знаю, – по какому-то наитию произнес Книжник. Смущенно улыбнулся, пожал плечами.

– Как это – не знаешь? – не поверил парень. – Я вот, Крэйг, выпускник младших боевых курсов, рекомендован в Академию... – в его голосе поначалу прозвучавшая гордость вдруг сменилась тоской. – А ты вообще кто? Я понимаю, что хвастаться тебе особо нечем, но я-то должен знать, перед кем у меня должок.

«Курсант? Академия? – недоуменно прозвучало в голове Книжника. – Как это понимать? Кто они вообще, эти люди со странным акцентом?» Похоже, он ненадолго «завис», так как новый знакомый нетерпеливо потряс его за плечо:

– Ты чего застыл? Вопросы не понял, что ли? Как тебя звать-то?

– Я не помню, – ровно сказал Книжник. Коснулся пальцем макушки. – Больной я. Память отшибло. Не знаю, кто я, откуда, даже как звать, не уверен.

– Ничего себе, – сочувственно кивнул Крэйг. – Пришибленный, значит?

Оглядел собеседника с ног до головы, снова кивнул. Наверное, вид Книжника вполне соответствовал его заявлению. – Прямо совсем ничего не помнишь?

– Вроде бы, Ником звали, – Книжник наморщил лоб, как будто бы вспоминая. – Правда, не уверен, меня ли так звали или еще кого.

– О'кей, будешь Ник! – решительно заявил Крэйг. – Мне из-за всякого чумазого голову ломать смысла нет. Ты уж извини, но так жизнь устроена: я боевой термит, а ты чумазый.

Или как вы там зоветесь у себя в Поддонье? Честно говоря, до сегодняшнего дня я даже не знал, что под Дном еще и Поддонье имеется, да еще что там живет кто-то, кроме диких мутов. Вот ты тут первый, кого я встретил – и то такой же дикий.

Крэйг расхохотался – противно, но вполне искренне. В отличие от Книжника он вполне сносно чувствовал себя в этом подземелье, и недавняя близость смерти его, видимо, ничуть не надломила. Книжник же мысленно похвалил себя за выбранную модель поведения. С юродивого, стукнувшегося головой и потерявшего память, и спрос невелик. Тут главное, не оступиться с выбранной линии и не начать умничать. В его случае это может плохо кончиться.

– И где ты тут обитаешь? – поинтересовался Крэйг. – Понимаешь, мне отсидеться надо пару суток... А уж ты будь уверен – я отблагодарю.

– Не знаю, – все тем же, раз выбранным тоном, произнес Книжник.

– Чего не знаешь?

– Ну, это... Где обитаю. Не помню.

Курсант изумленно пожал плечами:

– А как же ты вообще... тут...

Семинарист лишь дурацки улыбнулся и развел руками. Он и вправду не знал, как ответить.

– Да ты точно дурачок, – недовольно процедил Крэйг. – А мне на дно залечь надо. Точнее, под Дном. Смешно звучит, да?

Он нервно хохотнул, глядя в стену. Скосился на Книжника.

– Наверно, смешно, – послушно отозвался Книжник. – Я не знаю.

Снова улыбнулся, надеясь, что не переигрывает. Пока прокатывало.

– Но хоть ты и псих, а бросить тут я тебя не могу, – Крэйг чуть скривился, разглядывая Книжника. – За мной долг, и ты его получишь, даже если кому-то придется сдохнуть.

Это прозвучало чуть ли не как угроза. Но Книжник лишь кивнул с той же глупой улыбкой. «Улыбайтесь, шеф любит идиотов» – откуда это? Наверно, из древнего журнала какого-то. Сколько еще бесполезных знаний болтается в голове, и ничего, что бы помогло в такой ситуации.

Парнишка, однако, окончательно пришел в себя. Терпеливо, как охотник добычу, Книжник дождался очередной реплики с его стороны. Это как в айкидо – нужно использовать энергию удара противника против него самого же. Соответственно, не проявлять инициативу в разговоре, а, предоставляя ее собеседнику, по максимуму вытягивать из него информацию.

– Ладно, – процедил Крэйг. – Толку от тебя мало. Где хоть выход на верхний уровень, знаешь?

Книжник помотал головой. Курсант болезненно поморщился. Поднялся на ноги. Книжник подорвался следом, с готовностью сообщил:

– Тут такой выступ, бетонный, по нему эту воду светящуюся обойти можно. Может, там выход?

– Странный ты все же. Ладно, я сюда сверху упал и ничего не понимаю. Но ведь ты-то тоже как-то сюда забрался?

– Я, кажется, тоже сверху упал, – сказал Книжник. – Вроде бы даже помню, как в воду плюхнулся. Наверно, тогда и ударился.

Приятно говорить правду. Даже когда это всего лишь наполовину правда. Новый спутник оценил это новое «воспоминание»:

– Вот видишь – вспомнил. Значит, не такой уж ты псих. Глядишь, что-то еще вспомнишь. Откуда упал-то?

– Сверху, наверное, – не моргнув глазом, отозвался Книжник.

– Со Дна, небось?

– Наверное, – с готовностью кивнул Книжник.

И неожиданно для самого себя спросил:

– А ты? Ты тоже оттуда?

Тут же пожалел о собственном любопытстве. Потому что собеседника вдруг перекосило. Казалось, он побледнел еще сильнее, и даже губы его побелели от волнения:

– Ты и впрямь дурак?! Как я могу быть со Дна? Я курсант, я на несколько уровней выше! И поднялся бы сегодня еще на один уровень, если бы не...

Он запнулся, задохнувшись от нахлынувших эмоций. И как-то резко сник, потух, как гаснущая свеча. Книжник настороженно наблюдал за ним, не понимая, что происходит. Хотелось задать кучу вопросов – но нельзя. Нужно сохранять образ этого самого «чумазого», как говорил курсант, дурачка с отшибленной памятью. Хорошо бы, чтоб товарища по несчастью самого прошибло на откровенность. Не было сомнений в том, что паренек оказался здесь не по своей воле. Это тоже следовало использовать. Правда, пока не было понятно, каким образом.

Чтобы разрядить обстановку, Книжник направился вперед, осторожно выйдя с площадки к кромке воды. Внимательно осмотрелся, взгляделся в мутную светящуюся глубину. Опасных теней видно не было. Он обернулся, жестом позвал Крэйга:

– Идем!

Тот приблизился, окинул пространство быстрым и острым взглядом. Книжник узнал этот взгляд – такой встречался и у кремлевских воинов. Если этого паренька готовили в бойцы неведомой пока силы, он наверняка обладал сходными навыками и способностями. Наверное, потому он мгновенно перехватил инициативу и вышел вперед – словно это он вытащил Книжника из воды и теперь указывал ему путь.

– Иди за мной, – приказал Крэйг. – И назад поглядывай – чтобы со спины никто не подкрался.

Это было резонно: перед глазами до сих пор маячил этот страшный, торчащий из воды глаз. Нельзя было поручиться, что кроме подводных здесь не водятся и сухопутные монстры. Напротив, в наличии таковых просто не приходилось сомневаться. Вопрос только в том, удастся ли с ними разминуться на этот раз.

– Ага, – произнес Крэйг. – Вот и выход.

Книжник почему-то ожидал увидеть ведущую вверх лестницу. Но вместо этого курсант указал на бесформенную дыру в бетонной стене. По ту сторону было что-то вроде пещеры. Во всяком случае, неровные стены уже не были армированы бетоном, и света здесь было куда меньше – здесь светились лишь небольшие неглубокие лужи, разбросанные по волнистой поверхности. Они осторожно вошли в пещеру, огляделись. Крэйг уверенно двинулся вперед. Похоже, он не боялся потеряться в подземном лабиринте. Еще бы – это же был его мир. Но Книжник чувствовал себя крайне неудобно. Особенно угнетало молчание.

– Что это вообще светится в воде? – спросил Книжник. Нужно было постоянно поддерживать разговор: глядишь, собеседник сболтнет что-нибудь важное, что пригодится в понимании этого подземного мира.

– Я не лаб, откуда мне знать?

– Лаб?

– Ну, не научник, то есть, не с Лабораторного уровня. Короче, это вроде планктон такой, – отозвался Крэйг. – Его специально вывели, чтобы мутаботов кормить. Планктон жрет отходы, которые стекают с уровней, мутаботы жрут планктон. Светящаяся пища дает светящегося мутабота. Понял, темнота?

– Понял, – с искренней благодарностью отозвался Книжник. – А я думал, это какие-то подземные духи. Или, там, призраки...

Косить под дурачка следовало с осторожностью, но Книжник решил немного «поднажать». И не ошибся. Крэйг рассмеялся:

– Вот не зря говорят, что вы, чумазые, совсем глупые. А правда, что вы теням поклоняетесь?

– Да вроде бы поклоняемся...

– А, прости... Я забыл, что ты у нас тюкнутий. Ты, брат, меня слушай, я тебя ум-разуму научу.

«Сделай одолжение», – подумал Книжник. А Крэйг продолжал со снисходительной доброжелательностью:

– Знаешь, как нас, курсантов, готовят? Курс боевой истории, прикладная математика, тактика... Да что там – ты даже слов таких не слышал. Вот, к примеру, знаешь, сколько уровней в Термитнике?

«Что такое Термитник?» – едва не спросил Книжник. Но вовремя прикусил язык.

– Не-а, – насторожился Книжник. Появился шанс узнать ценную информацию. – Вот Дно знаю, а теперь – Поддонье... А сколько у нас уровней? Много?

– «Много», – усмехнулся Крэйг. – Да уж, хорошо тебя стукнуло. – А знаешь, хотя бы, что там, над самым верхним уровнем?

– Твердь земная, наверное, – ляпнул Книжник, уже начинающий вживаться в роль свихнувшегося обитателя подземелий. – Как снизу, – он потопал ногой по шершавому камню.

– Можно и так сказать, – с удивлением глядя на Книжника, сказал Крэйг. – А над ней, над твердью, как ты сказал – что там, выше?

Книжник пожал плечами:

– Нету там ничего. Твердь и твердь.

Это была хорошая позиция, чтобы в нем не заподозрили пришельца сверху. Интересно, как долго так может продолжаться?

– А вот и нет, – победно заявил Крэйг. – Там Верхний мир. Без потолка и стен. Такой огромный, что и представить нельзя.

– Хм... – недоверчиво промычал семинарист. Даже лоб наморщил, как будто пытался представить себе это необъятное пространство, описанное новым знакомым. – Мир без потолка? Что-то не верится..

– Хочешь сказать, я вру? – снова напрягся курсант. – И офицеры-наставники, что, тоже врут?

– Нет-нет, – поспешно отозвался Книжник. – Вам, образованным, конечно, виднее. А мы люди маленькие. Нам бы пожрать да поспать в тепле. Да чтобы тварь какая не слопала. А что там наверху – какое нам дело? Жить-то там нельзя. Радиация, все такое...

– Откуда ты про радиацию знаешь? – оборвал его курсант. Смотрел он теперь настороженно, и Книжник понял, что, как говорится, зарпортовался. Не хватало, чтобы его раскрыли вот так, на глупости...

– Не знаю... – моргнув, сказал Книжник. – Вот само сейчас в голове выскочило.

– А может... – разглядывая его, задумался Крэйг. – Может, ты и не со Дна вовсе? Может, тебя вообще сверху сбросили?

Книжник нервно сглотнул. Вот это поворот...

– Как и меня, – продолжил курсант. – С верхних уровней?

Семинарист перевел дух. Кажется, пронесло. Однако, ход мыслей нового знакомого ему нравился.

– Может быть... – осторожно произнес Книжник. – Я не помню.

Давай, думал он, глядя на собеседника, придумай сам что-нибудь – а я кивну. Человек – он такое существо, склонен заполнять пустоты своего неведения своими же собственными

фантазиями. Ну, не терпит разум пустоты, вот и населяет лакуны ума всякими химерами. Главное – ему не мешать в широте воображения и вовремя поддакивать.

– Ну и ну! – продолжал удивляться Крэйг. Он двигался впереди, бесстрашно углубляясь все дальше в дебри этой бесконечной пещеры. – Выходит, ты можешь оказаться кем угодно! Я сразу подумал, что на чумазого ты не очень похож – слишком уж складно говоришь, особенно для головы ушибленного.

– Так уж и складно...

– Точно тебе говорю! Про радиацию, вон, вспомнил. Да еще плаваешь так ловко! Где научился? Тоже не помнишь?

– Не-а.

Крэйг резко остановился и, развернувшись, схватил Книжника за плечи. Тот аж голову в плечи втянул от неожиданности, решив, что сейчас-то его точно начнут бить. Вместо этого курсант лишь дружески встряхнул спутника, воскликнул:

– Слушай, а давай я тебе помогу вспомнить, а?! Если получится – будем считать, что долг я тебе вернул!

Это было неожиданно. Настолько, что Книжник ненадолго потерял дар речи. Потому как вспомнить свое несуществующее прошлое – это лихо. Но и на этот раз энергичный паренек сам подсказал решение:

– Давай я тебе буду рассказывать, что знаю про Термитник – может, ты узнаешь что-то знакомое, за слово какое зацепишься, глядишь, и вспомнишь что-нибудь! Как тебе идея, а?

– Идея – класс! – произнес обалдевший Книжник.

Посомневался для вида и кивнул:

– А давай попробуем. Мне все равно торопиться некуда.

– Мне тоже, – усмехнулся курсант.

– Ты вот что, – семинарист изобразил задумчивость. – Для начала расскажи, как ты сам сюда, в Поддонье, попал. Может, и я точно так же?

– Хм... – Крэйг с сомнением оглядел Книжника. – Так же, как я? Вроде тебя я среди курсантов не встречал. Хотя ладно, давай попробуем. В общем, слушай...

Глава 4

Возвращение памяти

Это был странный опыт. Пожалуй, самый странный, какой только был у Книжника, не считая того дня, когда он впервые покинул стены Кремля, чтобы уйти из привычного мира вместе с Зигфридом – недавним врагом из племени вестов.

Он вспоминал. Вспоминал свою «забытую» жизнь в этом «забытом» им мире, почти уже искренне веря, что действительно восстанавливает фрагменты утерянной памяти. Не верить было нельзя – можно было легко спугнуть этот неожиданный порыв спасенного им человека. Слушая его, Книжник еще раз убеждался в огромной силе человеческой благодарности – ведь только благодарность за спасенную жизнь могла толкнуть жителя этого мрачного мира на такой легкомысленный шаг.

Ведь этот паренек в своем искреннем порыве понятия не имел, что выкладывает тайны своего странного мира врагу. И не было ни малейших сомнений: узнай он правду – он мгновенно свернул бы Книжнику шею, постаравшись забыть и о долге, и о связанном с ним «бизнесе».

Этот симпатичный, в общем, паренек был воплощением подлинного кошмара, притаившегося в недрах земли в непосредственной близости от Кремля. Этот кошмар дремал добрые две сотни лет с момента окончания Последней Войны, как дремлют в почве личинки опасных насекомых.

Имя этому кошмару – Термитник. И, похоже, он зашевелился, пробуждаясь, злобно клеща челюстями своих обитателей.

Усвоить сходу устройство этого подземного мира было непросто – слишком сложен и самодостаточен был универсум, состоявший из множества уровней и слоев, обитатели каждого из которых сами не владели всей полнотой информации. Похоже, и Крэйг здорово «плыл» в знаниях об устройстве Термитника, более-менее представляя лишь кусочек пазла, к которому имел непосредственное отношение. Что придавало еще большее сходство этого места с настоящим термитником, в котором особи делятся строго по специализациям и практически не пересекаются в повседневной жизни. По такой аналогии Крэйг был особой «боевой особью» своего муравейника, никогда не общавшийся с «рабочими термитами». Более того – подобное общение в этом странном обществе не приветствовалось вовсе.

– Вчера мы здорово сцепились с «чумазыми», – рассказывал курсант, смакуя историю, как невесть какое приключение. – Уложили всех, кто не успел смыться. Хотя и сами чуть не полегли – засаду они устроили ловко.

– А зачем вы с этими чумазыми деретесь? – наивно спросил Книжник. – Они же вроде как «свои».

– Удивляюсь я тебе, Ник, даже базовых вещей ты не помнишь. Для термита свои – это боевые товарищи, и подчиняется термит только Приказу в составе Ударного Кулака Термитника. А чернь всякая, вроде вокеров и прочих отбросов, существует для того только, чтобы обеспечить боеспособность Ударного Кулака. И если на них мы отрабатываем свои навыки – то пусть радуются, что отделяваются малой кровью. Так уж жизнь устроена, ты уж извини. Ведь ты тоже для меня – обыкновенный чудик со вспомогательных уровней, даже если и шлепнулся сюда с верхотуры. Да что там, для моих товарищей, что в Академию прошли – я такое же чумазное существо, которому и руки не подадут. Я и с тобой-то на равных общаюсь только потому, что мы в одной ситуации оказались. Упал на уровень ниже – язык прикуси и терпи. Такова, значит, воля Приказа.

Говоря все это, Крэйг как будто сам себя убеждал смириться с ситуацией. Похоже, не особо-то он верил в справедливость этого самого Приказа. Но и послушаться не смел. В этом смысле они с Книжником и вправду были похожи – выбитые из привычного мира, растерянные, вынужденные выживать в непривычной обстановке.

– Мы вроде как товарищи по несчастью, – заметил Книжник.

Крэйг в ответ лишь нервно хмыкнул. Может, курсанта и насторожило бы что-то в поведении пришельца с поверхности, но очень скоро ему стало не до этого. То ли на звук, то ли на запах потянулись в их сторону обитатели Поддонья.

Первой волной шли мелкие насекомые – под ногами, хрустя раздавленными подошвами панцирями, по стенам и сводам этого бесконечного лабиринта. Поначалу было просто омерзительно «чавкать» ботинками по живому копошащемуся ковру. Тем более, что большая часть насекомых светилась, услужливо подсвечивая путь. Но когда мелкие твари стали сыпаться на голову, норовя зарыться в волосы и забраться в штаны, нервы у семинариста не выдержали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.